

ДМИТРИЙ СОКОЛОВ · НАТАЛЬЯ СОКЛОВА

ГРАНАТОВЫЙ СОК

16+

Наталья Соколова

Дмитрий Соколов

Гранатовый сок

**Серия «НИИ Серебряного Кинжала
и Осинового Кола», книга 1**

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63688607

SelfPub; 2024

Аннотация

Оказавшись в ненужное время в ненужном месте, программист-фрилансер Гриша Волков становится вампиром. Теперь ему предстоит искать ответы на многие вопросы: станет ли он снова человеком или это навсегда? Что делать с синдромом хищника и чем могут быть полезны чеснок и серебро? Случайно ли московские охотники на вампиров хотят нанять на работу именно его? Для чего они создают новый вирус, а вместе с ним и вакцину? Кто такой таинственный Каспер, которого все боятся, и зачем он пишет ему письма? Как поступить, если влюбился не вовремя и не в ту? И, в конце концов, есть ли что-то вкуснее, чем гранатовый сок?

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Линкольн	8
Глава 2. Пожизненный иммунитет	28
Глава 3. Немного не в себе	40
Глава 4. Непреодолимая и неконтролируемая	52
Глава 5. Красная нить	64
Глава 6. Не врач, а мегера	75
Глава 7. Монстр	89
Глава 8. Русские не сдаются	101
Глава 9. Череда разрушений	117
Глава 10. Странный пациент	131
Глава 11. Мастер-класс для чайников	143
Глава 12. Жопа.doc	156
Глава 13. Паук	168
Конец ознакомительного фрагмента.	180

Дмитрий Соколов, Наталья Соколова Гранатовый сок

Пролог

В кабинете некоторое время стояла тишина, потом врач протёр очки и, снова нацепив их на нос, с удивлением переспросил:

– Кто, вы говорите, вас укусил?

Так и думал, не нужно было сюда ехать. Мало того, что я не мог толком объяснить случившееся, так ещё и глубокой ночью в областной больнице дежурили всего два эскулапа, которые, судя по всему, продолжали отмечать вчерашний день травматолога: воздух отчётливо пах спиртом и солёными огурцами. От этого амбре меня начало мутить ещё сильнее. Сглотнув дурноту, я уклончиво ответил:

– В лесу было очень темно. Я не успел рассмотреть. Показалось, что собака.

– Собаки обычно за ноги кусают. За руки, на крайний случай. Как же так случилось, что вас тяпнули в шею?

– Я... понимаете, я плохо себя чувствовал и...

– Выпили что ли? – радостно предположил врач, надеясь угадать во мне родственную душу.

– Нет, я вообще не пью, я... эм... спортсмен, – брякнул я и поспешил перевести тему. – Доктор, так вы можете мне помочь? Наверное, нужно чем-то обработать рану.

– Как раз рана меня смущает больше всего, знаете ли. Ну не собачий это прикус! Я скорее поверил бы в то, что на вас напал шимпанзе. Шимпанзе с ну о-о-очень длинными клыками. Первый раз такое вижу! Семёныч, а ну-ка ты глянь!

«Только Семёныча мне не хватало», – подумал я, молясь, чтобы второй дежурный не оказался психиатром. Будто отвечая на мои мысли, склонившийся надо мной седой бородач выдал свою специализацию, недовольно пробубнив:

– А я-то что? Мне с живыми толковать не о чем... – и тут же воскликнул. – Ох, нифига себе!

От его дыхания, выпущенного мне в лицо, у меня ещё сильнее закружилась голова, и я окончательно убедился, что спирт здесь использовался вовсе не для обработки инструментов.

– Михалыч, это ведь то самое, о чём я тебе говорю! А ты всё никак не поверишь! Они существуют!!!

– Опять ты за своё! – травматолог явно занервничал и попытался перевести всё в шутку. – Закусывать надо!

– Да иди ты! – патологоанатом только отмахнулся на коллегу и, глядя на меня в упор, зачастил громким шёпотом. – Молодой человек, вы должны сказать правду, иначе его ни-

когда не поймают! Не поймают, понимаете?!.. Эта тварь так и будет убивать! Месяца не обходится без того, чтобы ко мне не привезли хотя бы одного с такими же следами на шее, как у вас! Среди них есть женщины. Даже один ребёнок! И у всех – поголовно – смерть вследствие острой кровопотери... Меня никто не хочет слушать, потому что я единственный свидетель, а мёртвые – от них толку нет, они говорить не умеют!..

– Семёныч, заканчивай уже пороть свои байки из склепа, – травматолог раздражённо покрутил пальцем у виска и, отстранив коллегу, обратился ко мне. – Значит так. Как бы то ни было, смысла в обработке раны я сейчас не вижу – слишком поздно вы к нам обратились, она уже затянулась. Как давно вас укусили? Дней пять назад? Неделю?

«Сегодня, – мысленно поправил его я. – Пару часов назад...»

Но вслух промолчал, чтобы не провоцировать новую волну паники бородача. Михалыч же тем временем, подвёл итог:

– В любом случае, хорошо, что сонная артерия не была задета. Иначе заниматься вами уж точно пришлось бы не мне, а Ивану Семёновичу, а он у нас сегодня, как видите, не в духе. Так что, можно сказать, вы везунчик – легко отделались. Но от столбняка и бешенства вас нужно сейчас же вакцинировать. Раздевайтесь!

Из здания больницы я вышел пошатываясь и растирая но-

ющую после уколов лопатку. С ночи меня не переставало трясти и, кажется, поднималась температура. Вытащив из куртки чехол с глюкометром, я на всякий случай измерил себе сахар. Показатель был нормальным, что меня слегка удивило, ведь я не принял вечернюю дозу инсулина и вообще, кажется, потерял свой шприц. Я похлопал себя по карманам. Точно. Наверное, выронил в лесу. Радовало одно – поужинать я накануне тоже забыл, поэтому у меня были все шансы доехать до ближайшей аптеки прежде, чем станет совсем плохо.

Сев в машину, я повернул к себе зеркало заднего вида, чтобы ещё раз рассмотреть рану. Поразительно, но травматолог не соврал – двойной прокол на коже зарастал с фантастической быстротой и был уже едва заметен. Если бы я своими собственными глазами не видел, как ещё совсем недавно из моей сонной артерии практически фонтаном хлестала кровь, я бы никогда не поверил, что это случилось сегодня. Впрочем, и патологоанатом оказался прав. Это был вовсе не пёс. Хотя, пёс в этой истории тоже замешан...

Глава 1. Линкольн

Собачий лай, раздавшийся ещё издалека со стороны посёлка, я узнал сразу. Это надрывался Линкольн – соседский доберман, ненависть всех местных. Обычно спокойное и даже апатичное животное по ночам будто бы сходило с ума и начинало срываться с цепи, рыча и воя в сторону леса без видимых на то причин. Успокаивался он только тогда, когда просыпалась хозяйка – старая глухая бабка – и, выходя на улицу, окатывала его ведром воды.

Свернув на просёлочную дорогу, я подъехал к дому и припарковался. Стараясь не шуметь, вытащил из машины пакеты с продуктами, две пятилитровки воды и связку дров. Унёс всё это в дом и вернулся оттуда с открытой банкой собачьих консервов.

Увидев меня, Линкольн притих и принялся вилять остатком хвоста, тыкая рыжей пастью в забор. Просунув руку между досками, я присел и вывалил перед ним еду, а потом потрепал чавкающее животное за ухом.

Без сомнения, из всей округи я один относился к нему по-человечески. Перед поездкой на дачу я всегда покупал несколько банок собачьей еды и втайне скармливал их доберману. Стёпка – его хозяин и мой лучший друг детства – два года назад погиб, разбившись на мотоцикле, а родствен-

ники парня не придумали ничего лучше, чем спихнуть Линкольна бабушке, живущей в посёлке круглогодично. Молодого пса посадили на цепь и за плохое поведение к тому же редко кормили. Неудивительно, что в таких условиях он совсем истощал, одичал и стал по ночам проситься на охоту в лес, чуя оттуда запахи диких животных.

Умяв ужин, Линкольн уселся передо мной, склонив голову набок. Его большие чёрные глаза блеснули в темноте. Преданно глядя на меня, он тихо поскулил, будто пытаюсь что-то сказать. Разумеется, я его не понял, но пришёл к выводу, что на собачьем языке это означало «спасибо».

Я с сожалением цыкнул. Угораздило же Стёпку так рано уйти. Сколько я его помнил, он всегда был хрупким, тихим, замкнутым в себе мальчишкой. В основном играл сам с собой в шахматы, общаться со сверстниками не любил. Кажется, я был единственным, кому удавалось его разговорить и подбить выйти из дома. Зачем же его потянуло на весь этот экстрим и мотоциклы?..

От долгой утомительной езды – шутка ли, целых четыреста километров – меня немного подташнивало, и я решил перед сном прогуляться в лесу, чтобы отдышаться. Гулять мне, как и всем диабетикам, полезно. Особенно с моими непобедимыми десятью, а то и пятнадцатью, лишними килограммами. Особенно – вместо ужина.

Смотря мне вслед, соседский пёс сначала протяжно выл, а потом, упустив меня из виду, снова принялся заливисто

ляять.

– Уфф... – выдохнул я вслух, когда его вой, наконец, стих. – Слава богу, выходные.

Да уж, неделька выдалась что надо. Полгода назад я уволился из одной довольно крупной компании и стал фрилансером. Теперь зарабатываю на хлеб удалённо из дома, как многие мои коллеги-программисты. Всё бы хорошо, но в этот раз из-за срочного проекта мне пришлось почти безвылазно сидеть всю неделю в маленьком душном офисе заказчиков. Уже само по себе это меня напрягло, во-первых, из-за небывалой, практически летней жары, а во-вторых, из-за необходимости подстраивать свой привычный распорядок дня под график руководства. Я ведь самая что ни на есть «сова» – работаю, как правило, поздним вечером и ночью, а утром и днём отсыпаюсь, выключив телефоны.

Правда, необходимостью вставать в семь утра (а иной раз и вовсе не ложиться) на этой неделе не обошлось. Откуда ни возьмись, как чёрт из табакерки, вылезла моя бывшая и принялась со всех фронтов атаковать меня воспоминаниями о том, как нам было хорошо вместе, и отчаянными просьбами вернуться. Внешне я реагировал на эти нападения вполне спокойно, но внутри меня разворачивалась настоящая катастрофа.

События последних месяцев наших отношений всплывали в памяти как айсберги на пути у «Титаника», я натыкался на них, разбивался на куски и шёл ко дну, потопленный в

океане невысказанных эмоций. Мне казалось, что я уже забыл и отпустил эти переживания, но нет, они просто спали где-то в глубинах тёмных вод и ждали своего часа. Теперь же вспомнилось всё. Её постоянные разговоры о том, что я не подхожу, не соответствую, не достоин, да и вообще – неполноценный инвалид, который испортит ей жизнь. Её долгие исчезновения до утра. Мои бессонные ночи. Попытки всё спасти, наладить, исправить, вылезти из кожи вон, только бы не быть окончательно отвергнутым. И, как апогей – её измена с моим непосредственным начальником – руководителем проектов, под чьим шефством я до этого момента добросовестно работал.

С Катей мы познакомились в позапрошлом году, под Рождество. Я впервые приехал волонтером в подмосковный детский дом, а она – старожил волонтерской группы – была организатором нашей поездки. Белокурые пряди волос, голубые глаза, свитер со снежинками – словно ангел, как я тогда подумал. Глядя, как непринуждённо она играет с детьми, водит с ними хоровод вокруг ёлки, поёт им песенки, я чувствовал, что земля уходит из под ног.

Долгое время я не решался с ней заговорить. Просто поглядывал украдкой, втайне восхищаясь. Надо ли говорить, что с тех пор я не пропускал ни одной волонтерской поездки куда-либо?

Когда болеешь неизлечимой болезнью, которая год от года прогрессирует и вот-вот тебя заберёт, начинаешь задумы-

ваться о том, что после себя оставишь. Благотворительность кажется выходом из тёмного лабиринта страхов и обречённости. После знакомства с Катей моё несмелое желание оставить напоследок в этом мире хоть что-то хорошее переросло в чувство, что я «дома». Что я обрёл свою миссию.

Едва ли я верил, что у нас с Катей может что-то выйти. Я с самого начала всё понимал, просто так хотелось обманываться. Маленькая, хрупкая, жизнерадостная феечка, королева красоты и душа всей нашей волонтерской компании, и я – тихий закомплексованный толстячок, вечно растрёпанный, рыжий, весь в дурацких веснушках, да ещё и с тяжёлой формой диабета. Всё, что мне оставалось – быть максимально полезным. Детдомовским деткам, нашим единомышленникам и, конечно, ей...

Однажды Катя пожаловалась мне, что у неё проблемы с деньгами, потому что она потеряла работу и вот уже третий месяц не может никуда устроиться. Не имея в голове корыстной мысли, я подсуетился в отделе кадров нашей крупной компании, и её – по профессии бухгалтершу – устроили к нам. А до первой её зарплаты я ещё и одолжил ей денег, чтобы она могла заплатить за съёмную квартиру.

Хотя я ничего не просил взамен, и не стал бы, но она, очевидно, посчитала себя мне обязанной. В первый её рабочий день она пригласила меня к себе, чтобы «обмыть» успешное трудоустройство. Пить мне было нельзя, но приехать я согласился.

Сидя напротив меня, Катя выпила два бокала вина. И без того весёлая, от спиртного она ещё больше повеселела. Её щёки загорелись, она защебетала о том, какой я хороший, а потом внезапно выключила свет и скинула с себя халатик. Свет фонарей с улицы осветил изгибы её идеальной, будто бы отлитой из воска обнажённой фигуры, и тут уже опьянел я. Дальше между нами творилось что-то фееричное – во всяком случае, так это воспринимал я. Это была сказка, волшебство, сон наяву.

Хотела ли она меня так, как хотел её я, или просто чувствовала необходимость как-то меня отблагодарить и выбрала такой способ? О, этот вопрос я ещё долго буду задавать самому себе, так и не решившись озвучить его вслух...

Волшебство длилось примерно год, до следующего Рождества. Пока внезапно карета не превратилась в тыкву. В роли тыквы выступил на новогоднем корпоративе Валерий Юрьевич – наш проджект-менеджер:

– Гришка, ты даже не представляешь...

В тот вечер Валерий Юрьевич – а среди коллег просто «Валерка» – напился до поросячьего визга и стал во всеуслышание рассказывать мне о том, насколько глубоко и совершенно Катя – моя волшебная, обожаемая Катя! – владеет техниками минета.

– Не надо подробностей, – краснея, перебил его я, едва ко мне вернулась способность говорить. – Я и сам не раз подмечал, как она хороша.

– А она мне... – его язык страшно заплетался. – Она не раз подмечала, как ты плох.

В общем, банальная история. Я начистил ему морду, и теперь у меня в жизни больше нет ни девушки, ни волшебства, ни миссии, ни постоянной работы. Зато с лечащим врачом я с тех пор вижусь в два, а то и в три раза чаще, так что скучать не приходится.

Вся эта ситуация меня конкретно подрасшатала, и даже поначалу довела до больницы – я тогда впервые за всю жизнь напился и, разумеется, схлопотал диабетический криз. Надо ли говорить, что я больше не хотел ничего слышать о ней – ни все те полгода, которые она пропадала неизвестно где, ни сейчас? Слишком высоко я взлетел и слишком больно было упасть...

И вот, стоило мне вспомнить об этой истории, как в кармане снова завибрировал телефон:

«Гришечка, пожалуйста, сладкий, не молчи! Мне так плохо. Роднее тебя у меня никого нет!»

Только подумать: я, оказывается, «сладкий» – и это после пяти инъекций инсулина в день. Какой жестокий и беспощадный троллинг. Разве можно так с инвалидом?..

С раздражением отключив звук, я убрал телефон обратно в карман джинсов. Теперь ничто не будет мешать мне слушать звуки леса. А звуков в чаще нашего дикого ночного леса – множество. Таинственно притягательные и одновременно пугающие шорохи, стрёкот сверчков, уханье совы, шелест

листьев в кронах деревьев и шелканье не то ночных птиц, не то веток под мягкими лапами лесных зверей.

Я поднял голову и жадно затаился кислородом. Задумавшись, я забрёл так далеко в лес, как ещё ни разу не решался. Да ещё и ночью, в то время, когда дикие звери, проснувшись, выходят на охоту. Надо было бы вернуться, но идти назад мне не хотелось. Только не сегодня.

Из-за тёмно-синих туч показалась круглая, налившаяся во всю силу жёлтая луна. Полнолуние. Время оборотней и упырей – и в это охотно верится – вот, например, одна из них лезет сегодня ко мне изо всех щелей, обрывая соцсети, мессенджеры и телефон.

Словно в ответ на мои мысли вдруг где-то вдалеке раздался протяжный волчий вой. От неожиданности я остановился и, уняв внутренний монолог, прислушался. Может быть, показалось?.. Я с детства коротал в нашем поселке летние каникулы, и лисиц в этих краях видел много раз. Даже кабаны изредка встречались. Но чтобы здесь водились волки – в это верилось с трудом.

Тем временем звук повторился – глубокий, протяжный, с надрывом. А со стороны деревни ему ответил раскатистый собачий лай. Значит, не примерещилось.

По мере того, как я углублялся в чащу леса, вой становился всё громче и отчётливее, а потом вдруг раздалось отчаянное:

– Помогите!!!

Испуганный детский голос заставил меня вздрогнуть. Не знаю, что делает ночью в лесу ребёнок, но тут ему не место, особенно если поблизости волк. Сойдя с тропинки, я, долго не раздумывая, пошёл на звук.

– Помогите! – голос, сорвавшись, перешёл в плач. – Мне больно!

– Ты где? – крикнул я в темноту.

– Я тут! – ответил ребёнок, всхлипывая.

Да уж, едва ли мне помогла эта информация. Хотя, какой ответ я, интересно, рассчитывал получить? Точные GPS-координаты?

– Не двигайся с места! – крикнул я, ускоряя шаг. – Я попробую тебя найти. А ты пока спой какую-нибудь песенку, сможешь?

Малыш запел что-то протяжное, похожее на колыбельную, но сколько я ни вслушивался, не мог разобрать слов. Казалось, он пел не на русском, а может просто ещё не выговаривал некоторые буквы.

Включив фонарик на мобильном, я пробирался через плотную чащу. Лес постепенно сгущался, ветки елей хлестали меня по лицу, а кусты крапивы – по ногам. Я постоянно оступался и попадал в ямы, хлюпающие грязной жижей – то ли вчера шёл дождь и землю смыло, то ли здесь уже началось болото. Господи, как, а главное зачем, сюда мог забрести маленький ребёнок?!

Радовало одно – волка больше не было слышно. Наверное,

испугался наших голосов и убежал.

– Слишком ярко!!!

Я перевел взгляд вниз, себе под ноги, и ахнул. На земле чуть поодаль от меня в канаве лежал совсем маленький мальчик – на вид не больше шести. Одет в чёрную футболку и шорты, за спиной что-то вроде рюкзака. Всё, разумеется, напроць испачканное в грязи – прямо как и мои кеды.

Щуря мордашку от света, парнишка повторил жалобно:

– Глаза режет, выключи!

– Как ты здесь оказался?! – я сбежал вниз к нему и присел на колено рядом. – Ты упал? Ушибся? Что болит?..

Направляя телефон в другую сторону, чтобы не слепить малыша, я отодвинул назад пряди его мокрых чёрных кудряшек, вглядываясь в черты смуглого лица.

– Я не могу идти, – пискнул он, осторожно приоткрывая веки. Глаза у него были огромные, просто бездонные, и, кажется, голубые. Нет, даже синие. Он посмотрел снизу вверх так мило и незащитно, что у меня сжалось сердце.

– Почему? – спросил я с опозданием. – Ты подвернул ногу?

– Я попался в капкан!

Чёрт возьми, точно! Только сейчас я заметил, что его левая нога была зажата в выглядывающий из травы охотничий капкан, пристёгнутый к дереву толстенной цепью.

– Ох, бедняжка... – прошептал я, направляя свет вниз. – Дай-ка я посмотрю!

– Осторожно, не трогай, это серебро! – воскликнул малыш испуганно.

– Ерунда, – я прислонил телефон к дереву так, чтобы фонарик освещал ловушку, и принялся её изучать. – Кто же делает капканы из серебра. И потом, даже если так...

– Это охотники расставили! – перебил мальчик.

– А вот в этом я не сомневаюсь. Охотники, будь они неладны... Постарайся не крутиться, хорошо? Понимаю, что тебе очень больно, но сейчас нельзя двигаться. Лучше расскажи мне что-нибудь. Как тебя зовут? Сколько тебе лет?

– Я Влад. Мне пять.

– Такой большой уже, – стараясь его подбодрить, я рассматривал дуги капкана. Плотно сомкнулись, скорее всего раздробили кость. Но кровотечения нет, хотя бы это уже хорошо.

– В детский сад, наверное, ходишь? – я попробовал расшатать механизм, проверяя, насколько реально раскрыть его просто так, вручную. Дуги слегка размыкались от моего давления, но получалась только маленькая щёлка. Развести их настолько, чтобы вытащить голень, я не смог.

– Нет, в детский сад меня не пускают... Ой, больно!

– Прости. Ты знаешь свой адрес? Я сейчас постараюсь разобраться с этой железякой и отведу тебя домой.

– Не хочу домой! – закричал Влад и в ужасе прижался к моей груди. – Только не это, пожалуйста! Я лучше тут посижу!!!

– Что за глупости! – изумился я. – Мама с папой, наверное, сильно о тебе переживают.

– Нет. Мои родители сейчас далеко. Я с ними не живу.

– А с кем ты живёшь?

– С братом. Он очень строгий. Будет меня ругать!

– За что?!

– За то, что я не слушаюсь. Кусаюсь. Убежал из дома. А ещё... он мне всегда говорил... – мальчик дрожал от страха, – что лучше быть мышкой или вороном, а не волком. Но я его не слушал... потому что мне волки нравятся больше...

Я определённо не понял, что он имел в виду – особенно всё то, что касалось зоопарка – но уточнять не стал. Мне было не до детских сказок. Больше интересовало другое – а именно, как устроен этот проклятый капкан.

– Малыш, скажи, а почему ты убежал? – я постарался осторожно вернуть его к прежней теме разговора. – Может быть, тебя дома бьют?

– Да, каждый день! И не выпускают гулять. Запрещают дружить с людьми. А если не слушаюсь, то оставляют без ужина!

«Ужас, – подумал я с искренним сочувствием. – Вот бедный».

Будучи волонтером, я повидал много несчастных малышей, для которых детдом был спасением от семейного ада. У них у всех были такие огромные и грустные глаза. Но и такое же огромное, чистое сердце...

– А ещё иногда за плохое поведение закрывают в гробу.

– В гробу?!

– Дедушкином. Меня, кстати, назвали в его честь...

По моей спине прошёлся холодок. Я многое слышал о жестоком обращении с детьми, но закрывать в гробу – это просто какая-то невыносимая дикость! И как прикажете мне теперь поступить с несчастным ребёнком, чей брат, судя по всему, в крайней степени невменяем?!

Поколебавшись минуту или две, я не придумал ничего лучше, кроме как позвонить в полицию. Но стоило мне разблокировать телефон, как на экране высветился входящий вызов. Угадайте, кто звонил?

От растерянности я перепутал красную кнопку с зелёной, и из динамика донеслось громкое:

– Гришечка, миленький, как я рада слышать твой голос!

– Я ещё ничего не сказал, – буркнул я хмуро.

– А я уже заранее рада! – лебезила Катя. – Привет! Как твои дела, мой хороший?

Зажав трубку между плечом и ухом, я продолжилковыряться с капканом, теперь уже на ощупь в темноте. Но сколько я ни изучал его, не мог понять, как он открывается. Не похоже, чтобы у него вообще были для этого какие-то рычаги и фиксаторы.

– Дела хреново, – ответил я с опозданием. В тот момент я ещё не догадывался, что настоящее «хреново» ждёт меня впереди.

– Что случилось?!

– Слушай, – вдруг осенило меня, – а ты ведь ещё едешь по детским домам?

– Конечно, родной!

Может быть, её появление – это знак свыше, – подумал я и выпалил:

– Возможно мне понадобится твоя помощь.

– Конечно, дорогой!

– Понимаешь, я попал в очень странную ситуацию...

– Для тебя я готова на всё, что угодно!

– Да не перебивай, – я поморщился. – Мне и так сложно объяснить.

– Извини.

– В общем, тут такая история. Я нашёл маленького ребёнка в лесу...

Пока я пытался рассказать ей о произошедшем, мои глаза привыкли к темноте, и я стал различать очертания деревьев. От одного из них мне удалось отломить крепкую толстую ветку. Вряд ли она поможет открыть капкан – для этого нужно что-то помощнее – но хотя бы ослабить его давление на ногу я смогу, если просунуть её между дугами. Что я тотчас и попробовал сделать, не выпуская из рук телефона.

– ...А потом он говорит мне, что не хочет домой, потому что там его бьют, не кормят и вообще – обращаются с ним так, будто он не человек, а зверь какой-то... Ах, вот чёрт!

Я не рассчитал силы: зубец капкана полоснул мне по паль-

цу и рассёк фалангу. Из глубокого пореза хлынула кровь.

– Только этого ещё не хватало!..

Прежде чем я успел сообразить, чем перетянуть рану, Влад схватил меня за запястье и неожиданно, взяв в рот мой палец, облизал его – да ещё и с таким аппетитом, будто это был леденец или эскимо.

– Нет, малыш, это плохая идея, не делай так, – хлопая себя по карманам, я принялся искать платок.

– Вот это да... – тем временем протянул мальчик тонким голоском. – Какая сладкая! Никогда такую не пробовал!

– Что там у тебя происходит? – вклинилась из трубки Катя.

– Подожди секундочку, – я пытался унять оживившегося Влада. – Пацан, ты чего?.. Ай, куда ты лезешь, мне же щекотно...

Я посадил мальчика на землю и отступил от него на пару шагов, но он вдруг каким-то недетским – я бы сказал даже, нечеловеческим рывком – выдернул ногу из капкана и, подбежав, снова запрыгнул ко мне на руки. Не успел я понять, каким образом ему удалось освободиться, как он отодвинул воротник моей куртки и впился зубами мне в шею.

– Так вот что ты имел в виду, когда говорил, что ты любишь кусаться. Должен тебя предупредить, я несъедо...

Я не договорил. Раздался хруст кожи и мышц, будто что-то острое прошило мне шею до самого позвоночника и тут же вышло обратно. Моя сонная артерия запульсировала.

Я инстинктивно открыл рот, чтобы вдохнуть и закричать, но воздух не шёл в лёгкие.

Перед глазами засверкали звёзды и поплыли тёмно-фиолетовые разводы. Словно кто-то уронил в космическую пустоту, как в воду, огромный булыжник, и от него по Вселенной начали расходиться круги галактик. Я видел, как падали откуда-то сверху и тонули в этих галактиках разноцветные шарики планет – мелкие, словно гравий. А потом лёгким взмахом руки невидимый Творец рассыпал над ними молочно-белую пыль человеческих душ. Вселенная впитывала эту пыль медленно. Неравномерно. Какие-то песчинки тонули быстрее – спускаясь на голубую планету, они моментально таяли как снег. Какие-то зависали в атмосфере, словно застревая в желе – будто ждали своего часа. Может быть, где-нибудь среди этого облака живой пыли была и снежинка моей души, но я не чувствовал себя ей. Я наблюдал за всем со стороны.

Вглядываясь глубже в космос, я заметил, что некоторые снежинки, вопреки законам физики, не таяли, а кристаллизовались, превращаясь в алмазы, и навсегда врастали в Землю. Они сияли всеми цветами радуги – синие, сиреневые, лиловые, зелёные, золотистые, серебристые – зрелище было настолько захватывающее, что я невольно забыл обо всём на свете и залюбовался им. А потом один из этих алмазов вдруг увеличился до огромных размеров и вонзился в мою грудь, разодрав в клочья сердце.

Слёзы брызнули из моих глаз. То ли от боли в груди, то ли от оргазмического удовольствия, которое я в этот момент получил. Телефон выскользнул из руки и упал в траву. Я всё ещё пытался скинуть с себя ребёнка, хотя и вяло – я почти не ощущал своего физического тела, словно находясь под каким-то наркотическим трипом. Влад же продолжал мёртвой хваткой висеть у меня на шее как гигантская саблезубая пиявка. И не просто висел – он жадно пил кровь, которая быстрыми толчками лилась из моей артерии ему прямо в рот.

Вскоре мои ноги подкосились, и я упал. Едва ли я понимал, что происходит. Просто не успел за такое короткое время ничего осознать. «Какая нелепая смерть», – единственное, что саркастически пронеслось у меня в голове сквозь шум в ушах.

И вдруг где-то совсем близко воздух прорезал собачий рык. Тишина леса содрогнулась от свирепого лая, а следом за ним детский голосок воскликнул:

– Ой, пусти!!!.. Больно!!! Ааа!!!

Два рваных отверстия на моей шее оголились, и теперь кровь, бьющая фонтаном, заливала мне одежду. Я плотно прижал к шее руку, стараясь унять кровотечение. Не то чтобы надеялся, что смогу выжить. Скорее просто инстинктивно.

Дальше события развивались стремительно. Соседский пёс – а это был именно он – вступил в недолгую схватку с Владом, вцепившись ему в предплечье, но малыш ловко вы-

крутился, подсунув ему в пасть вместо себя свой рюкзачок. Линкольн, свирепо рыча, начал мотать трофеем из стороны в сторону в попытках его разорвать, а мальчик юркнул в кусты и был таков.

– Стой! – хотел крикнуть ему я, но из моего горла вырвался только режущий хрип, и я надолго закашлялся.

Несколько минут я лежал на земле, пытаюсь заново научиться дышать. У меня возникло какое-то странное чувство, будто я утопленник – меня прибило ко дну, а сверху давит, не давая встать, плотная толща воды. Наконец, я оклемался и смог приподняться. Пёс тем временем успокоился и, сев возле меня с добычей в зубах, показательно ждал дальнейшей команды.

– А ну-ка, – я потрепал добермана по голове, – Линкольн, фу. Плюнь. Вот так, хороший мальчик!..

Выпустив из зубов рюкзачок, пёс несколько раз свирепо гавкнул в темноту леса, а потом снова заливисто завыл.

– Что у нас здесь... – я расстегнул молнию, и мне в руки упала – о чудо! – бутылочка детского сока. Казалось, ещё никогда в жизни я не был так счастлив! Скрутив крышку, я в изнеможении присосался к горлышку и за пару секунд осушил содержимое бутылки до дна.

Однако до чего же мерзкий напиток! И привкус какой-то странный, как будто скисло. Чем только нынче поят детей! Хотя, надо всё же отдать должное этой бурде, мне сразу стало ощутимо полегче: горло уже не хрипело так сильно, серд-

це не билось как бешеное, и даже искры перед глазами больше не сверкали. А ведь ещё минуту назад я, кажется, совсем спик и собирался упасть в обморок.

Судя по весу, в рюкзачке было что-то ещё. Я запустил руку поглубже. Детские солнечные очки, мобильный телефон и... головка чеснока. Интересное сочетание. Уткнувшись носом в чеснок, я глубоко затянулся едким запахом. Противно до невозможности, но бодрит! Может быть, я даже дойду до дома.

– Линкольн! Дружок, нам надо как-то выбираться отсюда. Ты ведь поможешь?..

Я накинул рюкзак на плечо и попытался встать. Получилось не сразу – самочувствие было весьма паршивым, будто из меня выкачали всю кровь без остатка. Голова кружилась, в ушах шумело, руки дрожали, а ноги тряслись. Я плёлся по лесу, хватаясь за стволы деревьев, чтобы не упасть. Время от времени, когда становилось совсем дурно, я подносил к носу зажатый в кулаке чеснок и дышал им вместо нашатыря.

Потом снова делал шаг. И ещё один. Вот так, потихоньку...

Глаза ничего не различали в темноте. Я не ориентировался в пространстве, словно вернулся на Землю не до конца: перед взором всё ещё дрожала картинка Вселенной с миллиардами ярких звёзд, и меня слепил огромный алмаз, переливающийся в груди.

Без сомнения, если бы не пёс, бегущий впереди и изредка

подававший голос, вряд ли мне удалось бы в ту ночь найти
дорогу к посёлку...

Глава 2. Пожизненный иммунитет

Отперев ворота на свой участок, я не дошёл до дома буквально пару метров. Упал на четвереньки перед деревенским уличным сортиром, и долгое время меня неукротимо рвало.

Иногда горло сводило так, что я задышался и на секунды терял сознание, но каждый раз оно ко мне возвращалось, а следом накатывал новый рвотный позыв.

Когда меня окончательно отпустило, уже забрезжил рассвет. Зачерпнув воды из колодца, я сначала напился, потом как следует умылся, а потом и вовсе окатил себя с головы до пят ледяной водой. Вытерся полотенцем, стирая следы крови, и переоделся.

Не то чтобы меня так сильно волновала рана на шее – нет, на удивление, она уже даже не болела – но разобраться в этой ситуации мне хотелось. Поэтому в девять утра я оказался на пороге приёмного покоя местной больнички с невразумительной жалобой:

– Понимаете, меня тут недавно укусили...

Ну, а что было потом – вы уже знаете.

Получасом позже я сел в машину и поехал на поиски инсулина, который, впрочем, мне так и не понадобился. Мой сахар держался на отметке «3.5 ммоль/л» до самого конца дня и больше не поднимался, хотя я позавтракал и даже по-

обедал. К вечеру, заподозрив неладное, я снова поехал в аптеку, на этот раз за глюкометром. Но и новый прибор отказывался верить в то, что я диабетик.

В целом моё самочувствие было вполне сносным. Единственное, что меня беспокоило – это озноб и постепенно поднимающаяся температура. Днём градусник показывал 37,5, к вечеру уже 38, а ночью меня колотило так, будто было все 40.

Целиком укрывшись одеялом, я прокручивал в голове возможные варианты дальнейшего развития событий. Фантазия моя работала отменно, и я обдумал по меньшей мере миллион версий, самая простая и безобидная из которых заключалась в том, что я с минуты на минуту умру.

Но что-то подсказывало, что вот так взять и умереть было бы слишком легко. Больше всего пугало, что мне придётся как-то жить дальше – с ужасом содрогаясь от одной только мысли, что я могу стать таким же, как Влад.

За плохое поведение заколачивают в дедушкином гробу – подумать только!.. Если его тёзка-дед – тот, о ком я думаю, то я конкретно влип. Просто беда.

Весь день, и даже часть ночи, мне звонила Катя, но подходить я не стал. Её вопросов я не выдержал бы – у меня было предостаточно своих.

К утру, уже на рассвете, мне всё же удалось успокоиться – вернее, смириться – и задремать. В беспокойном полусне мне снова виделся алмаз, который расцарапывал мою грудь

изнутри своими острыми гранями, да ещё и светился как тысяча солнц, не давая глубже погрузиться в сон. К счастью, мучение моё было недолгим. В восемь часов меня разбудил громкий стук в окно. Наспех одевшись, я вышел на крыльцо встречать раннего гостя.

На пороге стоял почтальон в синей форме. С усами как у Печкина и такой же раздражённый:

– Спите, что ли? – буркнул он, копаясь в сумке.

– В восемь утра в выходной? Что вы, конечно нет, – съязвил я, растирая ноющую изнутри грудь.

– Григорий Волков?

– Он самый.

– Бандероль для вас. Срочная. Сам не рад, – добавил он, вручая мне большой бордовый конверт. – Распишитесь в получении.

Поставив пару размашистых подписей в бумагах, я проводил почтальона взглядом и почесал затылок. Безусловно, это не самое мистическое из того, что за этот уикенд со мной случилось, но всё же я не мог не удивиться: как он нашёл меня здесь – на даче аж в Смоленской области, где я никогда не был прописан, да и приезжал сюда теперь из Москвы не так часто. Вернее, откуда отправитель знал, что я сейчас здесь? И кто, в конце концов, отправитель?!

Я покрутил конверт в руках. Обратного адреса не было.

– Что ж, ладно... – пробормотал я и надорвал плотно заклеенный край.

Сначала мне в руки выпала цветастая открытка с тортом и свечками. Вверху переливалась надпись: «Happy Birthday, my friend!». Может быть, это всё-таки кто-то ошибся? Ведь мой день рождения зимой...

Но карточку я всё же раскрыл. Внутри был печатный текст:

«Не удивляйся, Гриша, я знаю, что ты родился в декабре. Однако то, что с тобой случилось, вполне можно назвать вторым рождением, так почему бы не отпраздновать его сегодня (а может быть и вчера, если почта, как всегда, опоздает с бандеролью). Вампиры уже подарили тебе свой подарок. Это бессмертие.

Да, ты не ослышался, везунчик. Ты не умрёшь. Во всяком случае, от старости или болезни. Наверное, тебя сейчас пугает аура кристалла, но не бойся, это яркое свечение тебя не выдаст, потому что его видишь только ты. Он также не может причинить тебе вреда и уж тем более не убьёт. Наоборот, к смерти у тебя теперь, благодаря кристаллу, пожизненный иммунитет.

А теперь пора подарить мой первый подарок. Я хочу рассказать тебе одну историю. Сразу предупреждаю: запасись терпением, она начнётся издалека. Зато, возможно, со временем она сможет ответить на многие из твоих вопросов».

И это всё. Без прощания и подписи.

Честно говоря, на протяжении последних суток я искренне надеялся, что всё случившееся – просто кошмарный сон.

Что я лягу спать и проснусь уже в реальности. Но нет, я проснулся, а рюкзачок Влада – чёрный, с «весёлым рождением» – продолжал висеть там же, где я его повесил вчера – на спинке стула.

А теперь ещё эта открытка и «известие» о бессмертии. Чужь какая-то. Может, это розыгрыш?..

Сам не знаю, от кого я ждал ответа на этот вопрос. Я вернулся в дом, и вот уже мои руки доставали из бурого конверта тонкие, пожелтевшие от времени листки разлинованной бумаги. Край был неровный – будто их вырвали из старой тетради.

«Так непривычно и странно я себя чувствую!..»

– Плюс один, – пробормотал я вслух, едва прочитав первую строчку, выведенную аккуратным, каллиграфическим почерком. – Подписываюсь.

Пока я бурчал, глаза уже бежали по тексту дальше:

«Как за считанные дни всё могло так поменяться?! Ещё вчера я знала себя, как облупленную, как свои пять пальцев, а теперь кажется, что мы с этой девочкой совсем не знакомы, что кто-то должен представить мне меня же саму...»

Чернила сильно выцвели от времени, и местами различить буквы было довольно трудно. Мне пришлось сесть за стол и включить выдавшую виды настольную лампу.

«– Знакомьтесь, это наша новая ученица. Василькова Света. Давайте все вместе её поприветствуем.

– Здравствуй, Света! – хором подхватил класс.

Растерянно кивнув в ответ, я села за первую парту у окна – единственную, которая пустовала. Начался урок немецкого языка. Немецкий язык я невзлюбила ещё в прошлой школе, но новая классная руководительница – учительница иностранного – мне как-то сразу понравилась, поэтому я решила во что бы то ни стало выучить её предмет.

Вот только слушать новую тему внимательно мне сейчас было ужасно трудно. В голове царил хаос – точно такой же, как в нашей новой квартире, куда мы только недавно переехали. Какой он, этот Сталинград? Примут ли меня здесь? Понравлюсь ли я этим строгим людям? Будут ли у меня друзья? Чем живёт этот огромный шумный город?..

Глаза задумчиво скользили по пейзажу окна. Дома, дома, дома... Яблоку негде упасть. Хотя, для яблок пока ещё не сезон. Провожая взглядом кружащиеся в воздухе лепестки черёмухи, я жалела, что со мной нет Зойки – моей бывшей одноклассницы – которая щедро толкала меня локтем в бок каждый раз, когда я уходила чересчур глубоко в свои мысли.

Учиться в большом городе – совсем не то, что учиться в деревне. В этом я убедилась с самого первого дня. Тут мы носим форму – белую блузку и синюю юбку. И галстук. Невозможно непривычный, ярко-алый. Классов много. Они все пронумерованы не только цифрами, но и буквами. Я, например, учусь в десятом «В». Учителя по каждому предмету разные и почти все строгие. Говорить на уроках запрещается. Нужно сидеть смиренно и тихо, как мышка. А если по-

явится вопрос, то поднять руку и ждать, пока тебя заметят. Может быть поэтому даже на переменках ученики не очень разговорчивые...

Мой папа военный, и мы часто переезжаем, почти каждый год. Но всегда через некоторое время возвращаемся в нашу деревню под Смоленском, где всё для меня уже родное. Особенно Зойка мне родная, как сестра – с ней мы дружим с самого детства.

Вдали от дома так одиноко. Совсем не с кем обсудить новости. Отправила бывшим одноклассникам письмо, но когда оно ещё дойдёт – через месяц, наверное. Ох, а сколько же потом ждать ответ!.. В общем, я решила вести дневник. Давно просила у родителей специальную тетрадь, в толстой картонной обложке, чтобы страницы не мялись. Только ни в нашей деревне, ни в других маленьких городках, где мы жили, их было не найти. А вот в большом Сталинграде всё есть! Особенно тетради в книжный завезли такие красивые. В разноцветных обложках: жёлтые, зелёные, синие... Я хотела синюю. Больше всего люблю этот цвет, наверное потому что фамилия у меня такая же – синяя, васильковая. Но все синие быстро раскупили, и мне досталась жёлтая. Зато как она шуршит страницами, как пахнет!..

– А давайте устроим сегодня праздник! – сказал как-то вечером папа.

– Какой ещё праздник? – мама посмотрела на него с подозрением.

– Да хоть какой! Пусть будет Новый год!

– В мае?!

– Почему бы и нет? Новый город, новый год, новая жизнь... А вот тебе, дочурка, подарок под ёлку, Дед Мороз передал, – и, рассмеявшись, он вытащил из-за пазухи тетрадь.

Увидев её, я подпрыгнула, наверное, до потолка. И от радости поцеловала сначала папу, а потом маму. У меня лучшие на свете родители!

Вот так суматошно и волнительно начинается наш новый, 1941-й год. Интересно, сколько ещё прекрасного он с собой принесёт?..»

В этом месте повествование обрывалось, если не считать подписи снизу:

«Сталинград,

15 мая 1941 г.»

Встав из-за стола, я потянулся и размял спину. Потёр пальцы друг о друга подушечками. Прислушался к себе. Странные ощущения посещали меня во время чтения. Как будто эта девочка – Света – не просто находилась рядом со мной, где-то совсем близко, а вдобавок ещё и держала меня за руку. Я даже несколько раз отвлёкся, чтобы оглядеться по сторонам – таким отчётливым было ощущение присутствия.

Да уж, и правда, история началась издалека. Из такого далека, что мне даже вообразить трудно. Май сорок первого –

ну и ну! Если этот дневник не чья-то искусная подделка под старину, то боюсь даже представить, какие события легли на его страницы дальше. Кстати, а будет ли продолжение?..

Я снова перечитал текст открытки. «Мой первый подарок». Значит, планируются ещё. Что ж, надеюсь, я буду получать их чаще, чем раз в год по дням рождения. Несмотря на то, что у меня теперь – если верить письму – и была в запасе вечность, я оставался всё таким же нетерпеливым, как и раньше.

По привычке я заварил себе чай и теперь в задумчивости вертел кружку в руках. Ни пить, ни есть не хотелось – совсем. Вместо того, чтобы приготовить что-то и заставить себя позавтракать, я решился поставить отчаянный эксперимент.

Выкопав со дна кухонного ящика старую упаковку сахара-рафинада, я кидал кубики в чай. Один, два, три, четыре... Десять... Пятнадцать – пожалуй, этого хватит. Размешал. Принюхался. Ещё сутки назад, приняв на грудь такое количество сахара, я бы тут же помер, не успев даже вызвать себе «скорую». А сейчас?.. Что ж, посмотрим, справится ли мой «кристалл» с этим.

Выдохнув, я залпом опрокинул в себя до ужаса сладкую жидкость. Бросил взгляд на настенные часы: девять двадцать. Воображение тут же услужливо нарисовало мне двух фельдшеров, которые, осматривая моё тело, озвучивают вслух время смерти. Пальцы забарабанили по столу.

Девять тридцать. Удивительно – даже голова не кружится,

и руки не дрожат. Девять сорок. Смерть явно задерживалась. Десять. Ничего, равным счётом никаких намёков на гипергликемическую кому, будто я и не диабетик вовсе.

Поднявшись, я отправился на поиски глюкометра. Прибор, закинутый перед сном в дальний угол, снова высветил неизменные «3.5 ммоль/л», словно издеваясь.

Тогда мне в голову пришла ещё одна сумасбродная идея. Не сомневаясь долго, я распаковал купленную вчера упаковку инсулина и вкатил себе все пятнадцать кубов – столько, сколько там было.

Выскочив из дома, я ходил по двору кругами в ожидании эффекта, но и гипогликемия, кажется, не торопилась меня посетить.

Линкольн, наблюдая за мной через доски забора, тихонько поскуливал. Потом, звякая цепью, принялся тоже ходить туда-сюда. Голодный опять, наверное.

Вываливая перед ним очередную банку консервов, я призадумался. Интересно, сильно ли ему влетело за побег? И как он вообще умудрился сбежать?.. Взгляд скользнул по карабину цепи – мощный, увесистый, покрытый толстым слоем ржавчины. Такой и человеку трудно будет раскрыть, не то что псу вырваться из него...

Кристалл в груди переливался и отблёскивал лучами яркого, заходящего в зенит солнца. Как же всё-таки спит!.. Чертыхнувшись, я достал из машины тёмные очки и нацепил их на нос. Вдохнул с облегчением. Сел на скамейку, в

теньке, под старой яблоней, и подпёр голову рукой.

Кто знает, сколько бы я мог так просидеть в бесполезном ожидании смерти, если бы в кармане вдруг не зазвонил мобильный.

– Гришка, привет!

Мужской голос показался мне отдалённо знакомым.

– Ты в Москве?.. Нет? А где?.. В Смоленске?! Чего это тебя так далеко занесло! Возвращайся срочно!

– А что случилось? – я всё ещё хмурился, пытаюсь понять, с кем говорю.

– Не поверишь! Валерка уволился!

– Валерий Юрьевич? – кажется, я начал кое-что понимать. – Стас, это ты что ли?

– Ну а кто ж ещё!

Подумать только. Начальник отдела кадров «одной крупной компании» – собственной персоной – вдруг звонит мне в выходной и просит вернуться в Москву. Или не только в Москву?..

– В общем, он взял отпуск на неделю, а потом – бац! – и вдруг уволился. Мы опомниться не успели...

– Как скоропостижно, – буркнул я.

– А у нас важный проект горит...

– Соболезную.

До Валерия Юрьевича – любителя Катиных минетов – мне не было ровном счётом никакого дела.

– Ах, да прекрати ты! – воскликнул Стас. – Не ломайся!

Я был готов уже повесить трубку, но всё же на всякий случай уточнил:

– А что ты мне предлагаешь?

– Должность руководителя проектов! Высокую ЗП! Соцпакет! Медицинскую страховку, корпоративное авто, абонемент в спортзал, премии по итогам проектов! – выпалил Стас на одном дыхании.

У меня аж ёкнуло в груди. Кристалл, дрогнув, царапнул меня по рёбрам.

– Вот это да... – протянул я после паузы в ответ. – Тяжко же вам там приходится, похоже...

– Тяжко, очень тяжко! – подхватил Стас. – Меня завтра уволить обещали, если не найду никого на замену. А кого я найду в воскресенье...

– Послушай, а... а Катя всё ещё работает у вас?

Кадровик притворился, что меня не услышал и протянул жалобно:

– Ну, Гриш, выручишь, а?

Я вздохнул. Потрогал пальцами грудь, успокаивая боль.

– Ладно. Завтра приеду к девяти.

Глава 3. Немного не в себе

Ночью опять поднялась температура, меня трясло, и я долго не мог уснуть. Но даже одержав победу над бессонницей, я толком не отдохнул. Мне снился очень странный сон: будто я снова в непроходимом лесу, в кромешной темноте, выколовшей мне глаза.

Луна прячется за графитово-серыми тучами. Ветер порывами шумит в кронах старых деревьев. Ветки трещат, мотаюсь из стороны в сторону. Кажется, будет гроза.

Надо идти домой, но я не знаю, в какой стороне дом. Ноги совсем меня не слушаются. Я нагибаюсь, чтобы ощупать их, и понимаю, что голеней и ступней у меня нет. Ниже колен я не человек, а дерево. Самое настоящее. Ствол с потрескавшейся корой уходит вниз и расплзается под землёй сотнями широких корней.

Издалека слышатся неспешные шлёпающие шаги. Будто кто-то идёт по болоту. Медленно, шаг за шагом приближаясь ко мне. Хлюп... Хлюп... Хлюп...

Гремит первый раскат грома. Сверкает молния, и в её свете я едва успеваю различить очертания приближающейся фигуры. Только силуэт. Непонятно даже, мужской или женский.

Мне становится не по себе, по спине бежит холодок. Кем

бы он ни был, надо как-то выбираться отсюда. Но корни плотно держат меня в почве – нет шансов.

Снова гром и ещё одна вспышка. Силуэт уже ближе. Теперь я вижу, что в руках у человека топор.

«Он не просто так здесь. Он хочет срубить меня», – мелькает у меня в голове шальная мысль, и кристалл начинает быстро-быстро дрожать в груди, а на лбу проступает испарина.

– Не приближайся! – кричу я в темноту. – Я знаю, что ты рядом! Не подходи, слышишь?!

Небо раздражается дождём. Крупные капли стучат по листьям деревьев. Третий раскат грома – и вместе с ним лезвие топора с глухим звуком врезается в меня. В стороны летят щепки.

Я кричу от боли. Сначала просто что-то нечленораздельное, потом отчаянное:

– Я сейчас проснусь! Это всего лишь сон! Я обязательно проснусь!

В ответ мне только едкий смех и шёпот:

– Тебе не убежать...

– Я проснусь, и ты исчезнешь!

– Твоя нить уже в моих руках...

– Это просто сон, тебя не существует!!!

– Я найду тебя...

Наш спор прервало громогласное «Трррр-ррр!...».

Сначала я подумал, что кровожадный лесник включил

бензопилу, чтобы поскорее со мной разделаться, но нет. Это вибрировал на прикроватной тумбочке мой телефон.

Уф! Никогда ещё я не был так рад звонку будильника, как в этот раз.

Вскочив на кровати, я откинул одеяло и первым делом устоял на свои ноги. Ноги как ноги – самые обычные, человеческие. Стойте-ка, а это ещё что?!

Я провёл рукой по правой щиколотке и поднёс ладонь к лицу.

Кровь. Чуть выше косточки алела свежая рана. Не успел я удивиться реалистичности кошмара, как мой кристалл сверкнул в груди, и глубокий порез, прямо на глазах, стал затягиваться и покрываться бурой корочкой. А ещё через пару секунд я провёл по нему пальцем, и корочка отвалилась. Остался только едва заметный беловатый шрам – почти не видно, если не приглядываться.

– Чёрт возьми, кто такой этот дровосек?.. – пробормотал я и, поёжившись, добавил тише, – и кто такой теперь я?!..

* * *

– Гриша, ну наконец-то! – Стас встретил меня ещё внизу, у дверей нашего бизнес-центра. – Где тебя носило!

– Опоздал всего лишь на полчаса, – буркнул я, взглянув

на наручные часы. – Нужно было принять душ и переодеться после дачи, на работу ж устраиваюсь всё-таки...

– Пошли скорее! Начальство уже тебя ждёт!

Рассчитывая, что Стас ведёт меня на собеседование к вышестоящим, я послушно позволил ему протащить себя через просторный холл и поднять в лифте на тридцать третий этаж.

– Всё будет хорошо. Всё будет отлично, – кадровик по дороге будто уговаривал сам себя. – Всё должно получиться... Только очкиними!

Он ткнул меня локтем в бок. Я нехотя сложил солнечные очки и убрал их в нагрудный карман.

– Вот так, супер. Ну, а теперь – ни пуха ни пера нам!

Не успел я послать его к чёрту, как он пропихнул меня в конференц-зал и выпалил на едином дыхании:

– Спешу представить вам нашего нового руководителя проектов. Григорий Александрович Волков! Успешно прошёл все этапы собеседования и сейчас же готов приступить к работе! – чем поверг меня в полное замешательство. Я даже не нашёлся, что сказать в продолжение его отчаянной лжи. Собственно, меня ни о чём и не спрашивали.

Директора переглянулись между собой и развели руками – видимо, в знак того, что возражений ни у кого нет.

– Угу, – коротко отозвался исполнительный. Тот самый, который лично отчитывал меня за мордобой, устроенный полгода назад на корпоративе. – Гриша, снова здравствуйте. Простите, нет времени встречать хлебом-солью. Дедлайн

был вчера. Заказчик негодует. Ваш компьютер уже настроили, там вся информация о проекте. Стас, проводи Григория Александровича в его кабинет.

– Мой кабинет?!..

– Да-да, пойдём, – засуетился кадровик. – Вот сюда, пожалуйста.

– Ничего себе, мне даже отдельный кабинет выделили... что же у вас тут происходит... – бормотал я по пути.

Стас притворился, что меня не слышит.

– А ты, кстати, в прекрасной форме, – словно бы между прочим подметил он. – Кажется, ты похудел?..

Я пожал плечами. С утра мне тоже показалось, что пиджак и рубашка как-то подозрительно на мне висят, но я так तो-ропился, что не придавал этому особого значения.

– Ну, – так и не дождавшись ответа, Стас распахнул передо мной дверь кабинета. – Добро пожаловать. Выручай!

Для одного меня тут было слишком просторно – на территории такого масштаба впору закатывать балы. А ещё тут для меня было слишком уж светло. Оставшись один, я первым делом опустил все жалюзи на высоких панорамных окнах. Комната погрузилась в полумрак, а я вздохнул с облегчением. Теперь единственным ярким источником света был большой монитор компьютера, который кто-то уже услужливо загрузил к моему приходу.

Следующие два часа я внимательно изучал информацию по горящему проекту. Мне было интересно, по какой причи-

не он навёл столько шухера среди начальства и что толкнуло их на столь отчаянный шаг – приглашать на должность руководителя меня. Дебошира, с позором уволенного полгода назад.

На первый взгляд, ничего криминального. Более того, задача – типовая. Заказчиком значится некий «НИИ СКОК». Очередная дурацкая несерьёзная аббревиатура, которыми почему-то так любят называться всякие серьёзные НИИ. Главный штаб компании находится, кто бы мог подумать, в Смоленской области, откуда я пару часов назад приехал. В Московской области же сейчас расширяют дополнительный офис. Просят настроить им систему управления базами данных и обеспечить обмен информацией между Москвой и Смоленском по зашифрованным каналам. Казалось бы, ничего трудного. Разве что, допуска к своим серверам и базам не предоставляют, объясняя это возможной утечкой секретной информации. Требуют разработать продукт на основании одних только технических требований и небольшого набора тестовых данных. Хотят, чтобы им предоставили подробную инструкцию, по которой их специалист сам установил бы систему на сервер. Естественно, при таком раскладе на рабочей базе вылезают многочисленные баги, которые наши разработчики объяснить не могут: на тестовых данных всё работает идеально.

Дальше наша компания предложила в качестве компромисса организовать программистам рабочее место на тер-

ритории НИИ – чтобы те трудились под пристальным при-
смотром их сотрудников, но и это не сработало. Пропускать
кого-либо в московский филиал заказчик тоже отказался.
Среди программистов росло возмущение, и в итоге они все
как один бросили работу над этим проектом. После чего, в
результате долгих переговоров, институт всё же согласился
принять на своей территории руководителя проекта – пред-
варительно подвергнув его тщательным проверкам их служ-
бы безопасности.

А вот потом случилось то, что для меня осталось непонят-
ным. После недели работы в НИИ СКОК, Валерий Юрьевич
неожиданно взял недельный отпуск за свой счёт, а по исте-
чении его и вовсе уволился одним днём, не объясняя при-
чин. И исчез. На письма не отвечает, к телефону не подходит,
его местоположение неизвестно. На данный момент работа
стоит. Система лагает. Заказчик ждёт новостей уже больше
недели и сильно возмущён. И это можно понять, учитывая,
что деньги за проект они платят весьма серьёзные, даже по
сравнению с самыми щедрыми коммерческими клиентами.

– Да, кстати, – без стука всунувшись ко мне в кабинет,
Стас заставил меня вздрогнуть. – Они ещё не знают, что Ва-
лерка уволился. Придётся тебе сообщить им об этом самому.

– Не вопрос, – отрываясь от монитора, ответил я. – Сооб-
щу.

– Это, наверное, заставит их изрядно понервничать...

– А что им до него?

– Они его проверяли целых два месяца! На каких-то там приборах... детекторы лжи, что ли, и всё такое.

– Не вижу никакой информации о степени секретности.

– А её и нет. Но сами они утверждают, что это очень секретно и ни в коем случае не должно получить огласку.

– Понятно. Ну, разберёмся. Я сейчас позвоню и назначу им встречу.

Я взял в руки телефон, как бы намекая кадровику, что дело под контролем и медлить я не собираюсь.

– Да, забыл тебя предупредить, – будто бы между делом добавил Стас. – Ходят слухи, что заказчики немного того... не в себе.

Не успел я ничего переспросить, как он поспешно хлопнул дверью кабинета и был таков.

* * *

В обед я решил навеститься в офисный спортзал, чтобы, по старой памяти, снять напряжение на беговой дорожке.

Стоя в раздевалке, я внимательно разглядывал себя в зеркале. И впрямь, похоже, что я стремительно худею. Пиджак за день совсем разболтался, будто стал как минимум на пару-тройку размеров больше, а брюки я того и гляди потеряю.

Затянув потуже завязки на спортивных штанах, я поёжил-

ся. Всегда хотел похудеть, чего только не делал ради этого, но сейчас такие резкие метаморфозы меня скорее пугали.

«А может, это не я худею, а одежда растёт?!» – пришла ко мне на редкость идиотская мысль, когда я вставал на напольные весы.

Поначалу я жмурился, но потом глаза всё же пришлось открыть. Минус десять килограммов за двое суток – впечатляет. И, кажется, это ещё не предел.

Проходя мимо, наш тренер похлопал меня по плечу. Спустя полгода он всё ещё помнил меня – некогда я тщетно тренировался под его руководством, чтобы сбросить хоть сколько-нибудь, но потерпел тогда полное фиаско.

– Отличная работа, парень! Какая муха тебя укусила, что ты наконец решил за себя взяться?!

«Ох, если бы муха!» – промелькнуло у меня в голове.

Встав на беговую дорожку, я принялся сам себя успокаивать. Ладно, допустим, одежду можно купить новую – это наименьшая из всех проблем. А что делать дальше?! Как быть с этим странным письмом? С чудесным исцелением от всех болезней? С высокой температурой, ломкой и жаром, которые достигают апогея к ночи? С этим кошмаром и «лесником», пообещавшим во что бы то ни стало меня найти?..

Поразмыслив, я решил начать с самого простого – записаться на приём к своему знакомому врачу-эндокринологу. Он ведёт меня давно, знает уже как облупленного, да и я ему доверяю. Пусть, в конце концов, отправят меня на диспансе-

ризацию. Вдруг мне всё-таки ещё можно помочь.

Что-то внутри меня громко спорило, что медицина не умеет лечить от бессмертия, но я не сдавался. Должен быть какой-то выход. Надо просто его найти. Меня вылечат. Найдут причину, вылечат, и я снова буду обычным человеком!

«Я проснусь, проснусь, проснусь!» – твердил я себе, прямо как недавно во сне.

Я напрочь отказывался верить в то, что это реальность. Может быть, я просто простудился? Или у меня галлюцинации на почве прогрессирующего диабета...

– О, вот ты где! Тебя не узнать! Так похудел! И где же твои веснушки?!..

Нотки знакомого голоса заставили мой кристалл мелко-мелко задрожать. К счастью, дрожал только кристалл, а не пальцы, не губы и не голос.

– Привет, Катя, – проговорил я спокойно. – Веснушки в отпуске до следующей весны.

А ведь и правда. В своё время я чего только не делал, чтобы их свести или хотя бы немного высветлить, и всё без толку. А тут за два дня моя кожа вдруг так побледнела, что веснушек уже почти совсем не видно. Ещё один тревожный звонок в копилку моих стремительных метаморфоз.

– Стас сказал, что ты вернулся, но я не нашла тебя на рабочем месте. Подумала, что ты тут, и не ошиблась. А помнишь... помнишь, как мы бегали с тобой вместе?

Я не ответил. Вместо этого ускорил темп бега и перевёл

взгляд на пульсометр, чтобы отвлечься. Но окошко было пустым. Пульс не считывался – странно...

– Ну, как там с этим малышом? Всё наладилось?

– С каким малышом?.. А, да. Всё с ним в порядке.

– Мог бы так и сказать, – надула губки Катя, – а не игнорить меня двое суток!

– Прости, было не до разговоров.

Встав на соседнюю дорожку, она побежала в одном темпе со мной. Будто пыталась догнать.

– Может ходим сегодня куда-нибудь после работы?

– У меня важный проект, не могу.

– А завтра?

– Тебя Валерий Юрьевич не заревнует? – огрызнулся я, теряя терпение.

– Стас не рассказывал тебе?.. Валера пропал. Уже неделю как никто не знает, где он. И, кажется, он вообще не в России...

– С чего ты взяла? – уточнил я.

– Он звонил мне с какого-то заграничного номера.

– И что сказал?

– Что он уехал и не знает, когда вернётся. Что между нами всё кончено, и мы больше не будем встречаться. Что так будет лучше для меня.

– Так вот оно что.

– А ведь всё у нас было так хорошо! – она показательно всхлипнула. – Мне сейчас так грустно, Гришечка!..

Всё, хватит! Пора остановиться! Я резко выключил беговую дорожку и вытер пот со лба.

– Нет, Катя. Нет. И ещё раз нет. Пожалуйста, не пиши мне. Не звони. Давай оставим всё, как есть.

Будь я оборотнем, я бы, наверное, завыл. Так тягостно натянулось что-то внутри, под рёбрами. Если у меня больше нет сердца, то что же тогда так сильно болит в груди?..

Глава 4. Непреодолимая и неконтролируемая

«Не в себе – это ещё мягко сказано», – вот, к какому выводу я пришёл, общаясь с таинственным НИИ СКОК.

Встреча не задалась с самого начала. Место встречи они назначили весьма странное – какое-то безымянное кафе на самой окраине города. Нет, конечно, мне и раньше приходилось иметь дело с потенциальными работодателями, которые приглашают на собеседование в кафе, на чашечку чая. А некоторые так прямо и обедали при мне во время собеседования, увлеченно чавкая между вопросами о моей профпригодности. Но все же, обычно, это делают представители фирм-подрядчиков, которые перемещаются от заказчика к заказчику и не привязаны к собственному офису, как моя нынешняя контора. А главное, кафе в любом случае выбирают какое-нибудь приличное, поближе к центру города или скоплениям офисных зданий. А тут ни тебе рядом офисов, ни складов, ни торговых рядов – ничего. По навигатору так и вообще выходит, что пустырь пустырьём.

Однако странности, окружавшие таинственных клиентов, на этом только начинались. Прибыв на место, я обнаружил, что кафе «прикомандировано» к одинокой бензоколонке,

стоявшей в некотором отдалении от шоссе и почему-то не обозначенной на картах. Странно, обычно их исправно вносят – тем более что на вновь открывшуюся заправка никак не походила. Пыльное и грязное оборудование, покосившееся здание магазинчика, в котором можно было купить напитки и еду, и несколько выдавших виды столиков на улице около входа.

Сидя за одним из них, я задумчиво потягивал отвратительный кофе под хмурые и подозрительные взгляды единственного сотрудника заведения – продавца, официанта и по совместительству дворника. Подав мой заказ, он ушёл в подсобку, вернулся с какой-то доисторической метлой и принялся с неистовым раздражением подметать асфальт вокруг пустующих столиков. Странное одеяние – хламида, напоминавшая потрёпанную монашескую рясу – волочилась за ним по дорожной пыли. Мне почему-то показалось, что вместе с этой пылью он надеялся поскорее вымести и меня...

Заказчик опаздывал. Я скучал. Других посетителей в этой дыре не было, равно как и желающих заправиться. Да я бы и сам не стал – это как же надо не любить свою машину, чтобы рискнуть залить в неё то, что продают в подобном месте. Я с тоской поглядел на кофе – конечно, чтобы пить такое, себя тоже нужно крепко не любить. Ну да мне теперь, похоже, всё равно – мой кристалл и не то стерпит, можно смело ставить эксперименты.

Когда кофе уже начал подходить к концу, а бородатый

«дворник» отшлифовал асфальт чуть ли не до блеска, со стороны дороги раздался шум автомобиля. Я поднял глаза от чашки с омерзительным напитком и увидел приближающийся «УАЗ Патриот», принадлежавший, как видно, какому-то любителю соревнований на внедорожниках. Был у нас на работе такой парень – тоже держал «патриот» и вечно загонял его в какие-то болота на очередном рейде, чтобы потом его мучительно оттуда вытаскивать – благо, он занимался тяжелой атлетикой, и физическая форма позволяла. Тут, видно, что-то похожее – подъехавший автомобиль был раскрашен в лесную камуфляжную расцветку, на крыше «люстра» из фар-прожекторов, передние арки подрезаны, кузов и подвеска подняты, чтобы освободить место для монструозных колёс.

Агрессивная машинка! Никак не ожидал увидеть, что водитель у неё окажется женского пола!

Я аж забыл про то, что собирался отхлебнуть кофе из стаканчика, и застыл, раскрыв рот и разглядывая лихую девицу. Вот уж действительно, «Punks not dead!».

Черные джинсы, металлические ремни, кожаная жилетка-косуха с нашивками Sex pistols, Exploited, Короля и шу-та, Пургена – и прочей нечисти. На ногах ботинки военного типа, на руках – цветные татуировки, а на губах – черная помада. Ну и, конечно, ирокез. Вы серьёзно, они ещё существуют?!

Приглядевшись, я заметил на её запястьях несколько по-

перечных шрамов. Пыталась свести счёты с жизнью, похоже. И, судя по количеству шрамов, далеко не единожды.

Девушка посмотрела прямо на меня, поймав мой взгляд. Я смутился и принялся внимательно изучать стаканчик с кофе, косясь на машину боковым зрением. С недавних пор я заметил, что оно у меня значительно улучшилось, и я стал видеть предметы на периферии почти также хорошо, как и в центре. Панк-дева сплюнула и неспешно пошла к заправочному пистолету.

Открылась вторая дверь машины, и из неё вышел человек, сидевший на пассажирском кресле. Мужик оказался под стать своей спутнице. Но нет, не панк – этот парень, похоже, вышел из какого-то боевика времен 90-х. Весь в камуфляже, на голове бандана защитного цвета, из-под которой выбиваются непослушные темные волосы. В зубах тлеет сигарета, в руках угрожающих размеров нож, который он принялся задумчиво разглядывать, едва выйдя из машины. Это вообще законно, открыто носить такие штуки?! Тоже мне, Рэмбо выискался. Натурально он. Разве что лицо, покрытое неровной щетиной, грязью не раскрашено.

Внезапно что-то изменилось. Девушка резко воткнула заправочный пистолет в горловину бензобака, а мужик сунул нож в большой чехол на ремне. На секунду они замерли, а потом, словно по команде, уставились на меня. Резко двинулись в моем направлении, и вот уже я, снова разинув рот, смотрю, как Рэмбо отодвигает второй стул от моего столи-

ка и усаживается напротив меня. Третий стул заняла дама. Пока я прикидывал, что мне лучше сделать – сказать ли им «Чем я могу служить, господа?» или рвануть от греха подальше к своей машине – мужик в камуфляже меня опередил.

– Вы, должно быть, Григорий? – спросил он низким хрипловатым голосом. Я растерянно кивнул. – Очень приятно! А я Михаил. Директор службы безопасности НИИ СКОК.

Он протянул мне для рукопожатия огромных размеров ладонь. Моя рука утонула в его медвежьей лапе, но пожал он её неожиданно аккуратно:

– А это моя коллега, Лариса! Она у нас по технической части. В большей степени, так сказать, ваша коллега, чем моя! – и он расхохотался низким рокочущим смехом в ответ на собственную шутку. Или на то, что он считал шуткой.

Лицо девицы оставалось каменным, она смотрела на меня без тени улыбки. Михаил отсмеялся, и в воздухе повисла неловкая тишина, прерываемая только шарканьем метлы об асфальт. Рэмбо развернулся на стуле, уставившись на «дворника»:

– Эй, ты, борода! Хватит уже ерундой заниматься! Приноси-ка лучше ты пива мне...

«Дворник», смерив нас презрительным взглядом, недовольно цыкнул языком, нахмурился и раздул ноздри. Михаил, будто не заметив, по-свойски развалился на стуле, жалобно затрещавшим под весом его огромного тела.

Бородач нырнул в здание магазина и вскоре вернулся, поменяв метлу на огромный бокал пива. Он шлепнул пиво на стол рядом с Михаилом и, вытерев рукавом рясы крупные капли пота со лба, уставился на меня:

– Что на солнышко-то так шуришься, нечисть? Или свет божий тебе не мил? – вдруг обратился он ко мне противным скрипучим голосом. – Глазки, я смотрю, так и слезятся – нешто о грехах своих плачешь?

– Эй-эй, спокойно! – вступился за меня Михаил, пока я ошеломлённо раздумывал, что ответить нахалу. – Чего пристал к парню? Солнце-то сегодня и правда шпарит ого-го!

Указав рукой на небо, где, к счастью, пару минут назад появилась огромная серая туча, Михаил, как ни в чём не бывало, повернулся ко мне, жадно отхлебнул из бокала и вытер пену рукавом:

– Гриша, а скажите, сколько вам лет?

– Двадцать пять, – ответил я после недолгой паузы и, чтобы не быть голословным, выложил на стол небольшую стопку листов. – Вот, пожалуйста, можете посмотреть. Здесь моё резюме и сертификаты.

– Видишь, какой он, оказывается, молодой! – обратился громила к Ларисе. Лицо девушки осталось непроницаемым, разве что бровью слегка шевельнула – давай, мол, дальше.

Сумасшедший в рясе, потоптался ещё немного около нас, громко сопя, затем кинул на меня испепеляющий взгляд и отошел в сторону. Однако, остановившись неподалеку, об-

локотился на стойку бензоколонки и продолжил наблюдать за мной, явно подслушивая наш разговор.

Рэмбо, тем временем, веером пролистав документы, продолжал интервью:

– А не бывает ли изредка у вас, Гриша, непреодолимого, неконтролируемого чувства жажды?

– Бывало, – честно признался я. – У меня диабет.

– Это же замечательно! – обрадовано прогрохотал он. – Ты слышала, диабет у него!.. Не врѐшь?

– Зачем мне врать?! – не выдержал я.

– Понимаешь, Гриша, неловко нам тебя так быстро до процесса допустить, – задумчиво сказал Михаил. – Ты пойми, Валерий Юрьевич исчез, и вместо него нам вдруг тебя подослали. И вообще...

Тут он прервался, не договорив. Некоторое время странная парочка вплотную меня изучала, потом мужчина, барабанив пальцами по столу, резюмировал:

– Эх, проверить бы нам тебя как следует, только времени совсем не осталось... Ларочка, ну что ты молчишь?

«Ларочка», до этого времени остававшаяся в тени, низким голосом отчеканила:

– Он странный.

«Это я-то странный?!» – внутренне возмутился я, но сдержался и промолчал.

– У него из кармана пиджака торчит край тёмных очков, – строгим голосом пояснила Лариса. Я опустил взгляд вниз и

машинально запрятал очки пальцем поглубже в карман. – А ещё он бледный. И прячет зубы – не смеётся и не улыбается.

Ну знаете ли. А что если мне не смешно?.. Я снова проглотил бунт, запив его остатками холодного кофе.

– Но на проверку времени уже нет, – повторил Михаил.

– Тогда прямо сейчас его и проверим!

Девчонка вдруг резко перегнулась ко мне через стол. Оказавшись совсем близко, вытянула наружу какой-то кулон, висящий у неё на груди под одеждой, и сунула его мне под нос:

– Ты вообще знаешь, кто мы такие?! – пробасила она с вызовом.

С настолько близкого расстояния я не смог разглядеть в подробностях, что было изображено на кулоне. Что-то похожее на символ советского союза, только вместо скрещённых серпа и молота – длинный нож и заострённая палка.

Я хотел, было, ответить, что мне это ни о чём не говорит, но не успел. Девушка внезапно выхватила из кармана жилетки металлическое лезвие и от души полоснула им себя по запястью – прямо в миллиметре от моего лица. Я инстинктивно отшатнулся. Бумаги, разложенные по столу, окропило каплями алой крови.

На этом месте подорвался бородатый чудик – будто только того и ждал! Он резко подскочил к нам, второпях с грохотом опрокинув стул, извлёк откуда-то из-под ряссы небольшой предмет, похожий на вспышку от фотоаппарата и сверкнул им в воздухе передо мной со словами:

– Сейчас я тебя выведу на чистую воду!

Гаджет издал щелчок, и, похоже, подзавис, обрабатывая результат «сканирования». Михаил перегнулся через стол и напряжённо нахмурился, уставившись в дисплей прибора. Краем глаза я подметил, что он на всякий случай схватился за оружие. Наконец, послышался короткий сигнал, и чудака в рясе удивлённо выдохнул:

– Пусто. Не может быть! – он затряс бородой. – Это ошибка! Бесовские происки!..

Рэмбо кивнул и убрал ладонь с рукоятки своего ножа:

– Ну, я же говорил, – он заметно расслабился и откинулся на спинку стула.

Однако теперь напрягся уже я:

– Идиотка! – с опозданием вырвалось у меня в адрес Ларисы. Я похлопал себя по карманам в поиске платка или салфеток. – Что же ты делаешь?! А вы, Михаил – почему сидите как вкопанный?! Ей в больницу надо!

«И возможно не только ей, а всем троим, – добавил я мысленно. – Выходит, и псих этот местный с ними заодно».

Мужчины удивлённо переглянулись. Я поднялся с места и, поравнявшись с девчонкой, кинул ей в руки пачку бумажных платков:

– На, прикрой рану. Здесь же полно заразы, подхватишь что-нибудь!

Но она так и осталась сидеть с отсутствующим выражением лица, глядя на меня стеклянными глазами. От вида кро-

ви, стекающей по её предплечью аж до локтя, меня замутило, а кристалл почему-то потемнел и налился буро-красным цветом.

Краски словно потухли. Всё вокруг стало тусклым и серым, как чёрно-белое кино. Только кровь горела ярко-ярко алым пламенем. А потом я внезапно увидел всё издалека со стороны и словно в замедленной съёмке – пустырь, пыльную дорогу, заправку, наш грязный столик, трёх людей сидящих за ним и самого себя. Я видел, как я – будто незнакомый мне, сторонний персонаж – собрал со стола бумаги и, сунув их в портфель, покрутил пальцем у виска, чтобы замаскировать накатывающее волнами головокружение.

Пальцы у него были холодные как лёд, но тело при этом бросило в жар. На ватных, плохо слушающихся ногах он – то есть, я – не прощаясь, ушёл к своей машине и, едва пристегнувшись, дал по газам.

* * *

Сидя во мраке своего кабинета, я растирал пальцами напряжённые, ломящие тупой болью скулы. Их свело так, что я не мог разжать челюсти, чтобы полностью открыть рот.

Настолько сильно перенервничал, что ли?..

Кристалл медленно светлел, принимая свой обычный

прозрачный оттенок. Мир тоже постепенно возвращал краски, но жар не проходил и, кажется, опять поднималась температура. Помимо этого меня не покидало странное ощущение, будто я вижу всё не только от первого лица, но одновременно ещё и со стороны.

Тело трясло. Постоянно хотелось пить. Я опрокинул в себя уже две бутылки минеральной воды и три кружки кофе, не считая ту бурду на заправке, но жажда не проходила. Как там выразился Михаил? «Непреодолимая и неконтролируемая»?..

Вот уже второй час я пытался дозвониться до своего врача, время от времени окидывая взглядом своё лицо в отражении погасшего экрана мобильного. Сквозь сведённые челюсти я пытался заглянуть себе в рот, но щёлочка была совсем узкая – мне едва удавалось через неё пить. Наверное, я и говорить толком не смог бы, но пока проверить не удавалось – телефон эндокринолога не отвечал. Впрочем, неудивительно. Был самый разгар рабочего дня.

И только спустя ещё полчаса доктор, наконец, то ли освободился, то ли потерял терпение:

– Здравствуйте, это ведь Григорий Волков? – раздалось из динамика мне в ухо. – У вас что-то срочное?

– Здравствуйте! Да-да, Волков, он самый... – стоило мне заговорить, как мои челюсти внезапно разжались, и на ладонь мне выпало два моих зуба.

Я вскочил и подбежал к зеркалу, широко раскрыв рот –

будто в кресле у стоматолога.

– Чем обязан?

– Матерь Божья!.. – вместо ответа выдохнул в трубку я.

Мне едва удалось не грохнуться в обморок от увиденного.

Клыки! На месте двух выпавших зубов из моей верхней челюсти торчали, сверкая, два огромных белых клыка! Как только я их увидел, они прямо на моих глазах стали стремительно уменьшаться в размерах, пока не сравнялись по длине с обычными, человеческими. Правда, при этом так и остались острыми и круглыми – как звериные.

– Я слушаю, – повторил доктор из трубки. – Алло?

– Да-да, – растерянно проговорил я. – Я тут. Пожалуйста, простите за настойчивость, но мне очень – очень! – нужно попасть к вам на приём в самое ближайшее время!

На том конце провода раздался озадаченный вздох:

– Знаете, вообще я всю ближайшую неделю под завязку занят, но... – эндокринолог осёкся.

«...но иначе ты оборвёшь мне весь телефон, поэтому придётся тебя принять», – мысленно продолжил я за него.

– Но я попробую что-нибудь придумать. Приезжайте завтра утром, к восьми.

Глава 5. Красная нить

У дверей моей московской квартиры меня ждал курьер в сине-оранжевой форме с надписью «EMS». Нервно поглядывал на часы и барабанил пальцами по плотному бордовому конверту, который держал в руках.

– Здравствуйте, – обрадовано выпалил он, увидев меня. – Волков?

– С утра был им, – неуверенно ответил я.

– Опаздываете!

– Всего на пятнадцать минут... – начал было оправдываться я, но он меня перебил:

– Для вас бандероль! Распишитесь, пожалуйста.

Подрагивающей рукой я вывел загогулину в его накладной и, забыв поблагодарить, хлопнул входной дверью. Прижался к ней спиной и выдохнул, сбрасывая напряжение.

Ну и денёк!

В темноте коридора я впервые за день почувствовал себя комфортно. Так бы и остался тут, в крошечной мгле, но письмо само себя не прочитает.

Щёлкнув настольной лампой на письменном столе, я с нетерпением вскрыл конверт. На этот раз не открытка, а обычный лист А4 с наклеенными на него отдельными буквами разных размеров и шрифтов. Такое впечатление, что вы-

резали из газеты или каких-то старых пожелтевших книг.

«Привет, Гриша!

Согласен, мои ребята немного странные. Профессиональная деформация, так сказать. Но зато они единственные, кто знает, как тебя теперь убить.

Не спеши бояться. Они считают, что ты человек – и пусть продолжают так думать. Сканер на тебя не сработал, потому что срок твоей инициации ещё не вышел. Окончательно она завершится только спустя 21 день. Тогда же ты сможешь узнать, какую сверхспособность несёт в себе твой кристалл. Пока этого не знает никто, даже я.

Однако – должен тебя предупредить – твой синдром хищника будет набирать силу уже сейчас. Вскоре ты уже не сможешь контролировать своё тело при запахе крови. Тебе останется только смотреть на происходящее со стороны, и ты не вернёшься, пока зверь не насытится. Будь осторожен. Уверен, что убийства и связанные с ними неприятности пока не входят в твои планы, поэтому используй чеснок.

Надеюсь, предыдущий отрывок дневника тебя захватил, но если нет – сегодня тебя ждёт продолжение. На этот раз тебе точно понравится.

Приятного чтения!»

И снова не попрощался и не подписался. Хотя, кое-что мне теперь стало понятно. «Мои ребята». Получается, этот тип и СКОК – заодно. Или же они работают на него, что, в сущности, одно и то же. Есть над чем задуматься...

Вместе с «анонимкой» в конверте было ещё несколько уже знакомых мне пожелтевших страниц.

«Мне так неудобно и одиноко! Я как будто чужая среди этих людей. У меня как будто выбили почву из-под ног.

Вот уже две недели прошло, а я всё никак не могу привыкнуть к этой школе. К этому городу. К папиной новой работе. Он уходит рано утром и приходит поздно вечером, когда я уже сплю. Говорит, что так надо. Что где-то далеко идёт война и, скорее всего, дойдёт и до Советского Союза, и тогда нам тоже придётся воевать. Как же страшно это звучит, аж голова кружится!

Мама тоже собирается устроиться на работу, на фабрику. Что же я буду делать одна?..

В обед, после школы, я люблю сидеть рядом с нашим домом под раскидистой яблоней. В её тени стоит покосившаяся деревянная скамеечка – это место я облюбовала сразу. Здесь не жарко и, если смотреть вверх, через листья, на голубое небо, можно представить, что я дома. Далеко-далеко отсюда...

– Эй, чего скучаешь? – резкий голос заставил меня вздрогнуть. Я опустила голову, возвращаясь в реальность. Моя одноклассница, Нинка. Не то чтобы мы с ней часто общались в школе, но пару раз на переменках переговаривались. Кажется, она живёт где-то неподалёку.

– Мечтаю!.. – с опозданием поправила её я.

– О мальчиках небось?

– Чего это сразу о мальчиках? – я насупилась. – О доме.

– Вот я и говорю – скучаешь! – Нинка села со мной рядом. – А ты откуда родом?

– Из Смоленской области. Мы там жили в маленькой деревеньке, а здесь большой город...

– В большом городе скучать негоже, – уверенно перебила меня Нинка. – Ты ещё просто не освоилась. Айда со мной на экскурсию?

– Куда?

– Да хотя бы на станцию!

– А что нам там делать? – с непониманием уставилась на неё я.

– Как что, строить глазки, конечно!

– Кому?

– Студентам! – с ликованием воскликнула Нинка. – Там мединститут! Такие мальчишки приезжают на вечерней электричке, загляденье! Красивые, умные! Да ещё и врачи! У них лекции по вечерам... Я пока только присматриваюсь. Но вот бы познакомиться!..

– Да наверное им с нами неинтересно будет, – неуверенно поспорила я. – Они же взрослые уже.

– Ой, ладно тебе, какие там взрослые! Нам с тобой по пятнадцать, а им восемнадцать-девятнадцать. Подумаешь, четыре года всего разницы!.. Короче говоря, ты как хочешь, а я надеваю школьную юбку и иду!

В общем, уговорила она меня. Превозмогая волнение и

стыд, в тот же вечер я, тоже надев свою тёмно-синюю юбку со складочками, а ещё новые белые колготки, пошла с ней к станции встречать вечернюю электричку.

Вагоны и правда были битком набиты студентами. По дороге Нинка рассказала мне, что медицинский институт в Сталинграде открыли шесть лет назад, и в прошлом году уже был первый выпуск. А в этом году набрали много новых ребят. В основном на лечебное дело идут молодые парни, выпускники школ. Говорят, многие из них приезжают издалека.

– Ну, то есть, выбор есть! – подытожила свой рассказ Нинка и вдруг толкнула меня локтем в бок. – А вон, гляди, мой идёт!

Выбор Нинки пал на голубоглазого блондина с отпущенными волосами, волнами спадающими на скулы. Про себя я прозвала его «Златовлаской», но однокласснице озвучивать это прозвище не стала, чтобы не обидеть.

– А тебе? Тебе какие нравятся? – громким шёпотом вопрошала Нинка мне на ухо.

Я скользила глазами по торопящимся на занятия студентам:

– Даже не знаю...

Этот коротышка, этот толстоват, этот неряха, а этот вообще рыжий. Не люблю рыжих...»

На этом месте я не удержался и фыркнул, приглаживая волосы. Ишь ты, какими разборчивыми были, оказывается,

советские девочки! Впрочем, ладно.

И мои глаза уже читали дальше:

«Но вдруг сердце моё ёкнуло. Я поправила юбку, уткнула глаза в пол и выдохнула, почти беззвучно:

– Мне брюнеты нравятся. Кареглазые...

– А, этот. Ишь ты, на кого замахнулась! – хихикала Нинка. – Сразу видно – отличник! Гордый какой!

Высокий широкоплечий парень, прижимающий к груди учебник, деловито прошёл мимо, даже на нас не взглянув.

– Краси-и-ивый! – шёпотом одобрила мой выбор одноклассница. – Пошли, проводим его!

Двигаясь на некотором расстоянии от толпы медиков-студентов, мы дошли до здания института. Глядя, как парни исчезают за огромными деревянными дверями, Нинка озвучила план дальнейших действий:

– У них занятия идут по три с половиной часа. Потом едут домой. Я обычно в сквере вон там гуляю, жду. А после ночной электрички уже иду спать. Ты как, со мной останешься?

– Поздно уже будет... – несмело поспорила я.

– Всего-то девять!

– Ну, ладно. Гулять так гулять!

Ох, если бы не это гнетущее чувство, что у меня выбили землю из под ног. Если бы не холодок в груди и не тянущая тоска по родному дому, то я бы, наверное, даже с ним познакомилась...

Господи, только бы не было войны! Только бы мы поско-

рее вернулись...

Сталинград,

27 мая 1941 г.»

Сложив листы дневника пополам, я задумчиво гладил между подушечек пальцев шершавую от времени бумагу.

Знаете, а я ведь во многом мог понять эту девочку – Свету. Хотя я и родился на целых семьдесят лет позже неё, я тоже вырос в очень нестабильное время. Наверное поэтому мне было сейчас так интересно «подглядывать» за ней сквозь десятилетия. А вот стыдно совсем не было, ни капельки, хоть это и личный дневник. Думаю, что если бы мы с ней, вопреки законам времени, встретились, то она бы тоже увидела во мне родственную душу и ничуть не обиделась бы.

С самого детства я точно так же – беспомощно – наблюдал, как рушится то, что дорого сердцу. Я, прожив так мало, видел так много. Мои родители женились ещё в Советском союзе, развелись уже в Украине, а в нулевых мама с отчимом и вовсе приняли решение переехать в Россию. Вокруг меня постоянно что-то менялось, и я едва успевал за этими переменами. Мимо проплывали – нет, даже пролетали – дни и года, навсегда унося с собой то, что я успел узнать и полюбить всей своей детской душой. И я научился не привязываться. Я даже почти научился не любить. Я научился быть простым наблюдателем.

И если бы я однажды решился вести личный дневник, мне

тоже нашлось бы, что рассказать...

На этой мысли я оторвался от дум. Меня вдруг вновь посетило то странное отчётливое чувство чьего-то присутствия рядом. Будто кто-то, стоя за моей спиной, дышал мне в шею. А потом он положил руку мне на плечо – так неожиданно, что я вздрогнул.

Я резко вскочил, опрокинув за собой стул, и обернулся. Вгляделся в тёмный проём коридора. Показалось?..

Комната была пустой. Коридор тоже. Ни одной живой души, не считая меня.

Наверное, переутомился. Пора спать.

* * *

Я всегда любил плавать. Это чувство – когда стопы отрываются от твёрдой поверхности, и ты вверяешь своё тело эфемерной, прозрачной воде – ни с чем не сравнимо. Будто все земные заботы враз покидают тебя, и ты становишься свободным как рыба. А вода словно качает тебя в своей колыбели...

Но сейчас что-то идёт не так. Вода не принимает меня, как любящая мать. Она вовсе не чистая, а мутная и плотная. И, кажется, я тону.

Меня поглощает какая-то давящая, вязкая пучина. Пени-

стые волны, накатывая одна за другой, топят меня, не давая всплыть. Сначала я сопротивляюсь. Барахтаюсь руками и ногами, пытаюсь удержаться на поверхности. Но все усилия тщетны. Я будто бы разучился...

Задерживаю дыхание – инстинктивно, чтобы не наглотаться. Открываю глаза. Ночь. Вокруг темно, только у берега мерцает слабый свет. Кажется, там сидит кто-то с фонариком. Брызги воды, которые я создаю, не дают мне разглядеть получше. Если это спасатель, то почему он не торопится прыгать за мной?.. Может, бродяга? Сторож?..

Да впрочем какая разница, кто он!

– Помогите! – кричу я, но раздаётся только сдавленное «буль-буль». Тёмно-синий кисель проникает в лёгкие, лишая возможности дышать.

Фигура на берегу встаёт в полный рост. Тусклый свет очерчивает стройный девичий силуэт, но лица не видно. Незнакомка ничего не говорит. Просто берёт в руки что-то вроде удочки и закидывает её в воду.

Ты серьёзно?! Я тут тону, а ты порыбачить решила?

Не успеваю я это подумать, как острая боль прошивает мою левую руку насквозь в районе вен. Плотная нить – красная как кровь – вьётся змеёй и описывает круги вокруг моего запястья.

«Попался! – знакомый едкий смешок. – Сегодня у меня крупный улов!»

Невидимая катушка начинает трещать, натягивая леску,

которая тащит меня к берегу. Но почему-то я совсем не рад такому спасению. Я узнаю в незнакомке лесника. Без сомнения, это он, просто сегодня почему-то решил порыбачить.

Теперь я барахтаюсь уже в попытках освободиться от плена. Уж лучше я просто утону в бездонной пучине, чем попаду в лапы к этому извращенцу! То есть, извращенке...

Тень на берегу довольно смеётся, словно ей доставляют удовольствие мои метания. В какой-то момент она осекается и говорит уже серьёзно:

– Ни в воде, ни на суше тебе теперь нет места. Прекрати сопротивляться. Ты обречён.

«Обречён... обречён... обречён...» – это слово, будто брошенный камень, оставляет на воде круги.

– Даже не надейся!

Надо как-то отвязаться от её «удочки». Я в панике ощупываю запястье, ища узел красной нити. Кручу руку и так и этак. Узла нет. Что за чертовщина...

Меня бросает в жар, а кровь холодеет в жилах. Не может быть!

Красная нить не просто обвивает моё запястье. Она вообще не привязана ко мне. Нить выходит изнутри, глубоко из-под кожи – прямо из моей вены.

– Всё кончено, – прохладно констатирует откуда-то сверху рыбачка.

– Нет!!! – зажмурившись, я сжимаю красную нить в кулак.

– Не поможет... – шелестящий хищный шёпот.

– Поможет, ещё как!

Я стискиваю зубы и дёргаю нить – что есть сил, будто вырываю чеку из гранаты. Воздух разрезает громкий хлопок.

Моя вена лопается. А вместе с веной, треща, рвётся нить миров. Декорации рушатся. Океан ударяется о сушу и рассыпается вокруг меня фонтаном бурых капелек.

Я просыпаюсь в своей постели, забрызганной – от изголовья до ног – моей же кровью.

«Тебе не убежать. Не уплыть, не улететь, не скрыться. Ни наяву, ни во сне, – её голос быстрым пульсом стучит в висках. – Ты моя добыча. Ты привязан ко мне».

За окном ещё стояла ночь, но в комнате было светло от горящего белым светом кристалла. Подняв к лицу левую руку, сведённую от боли, я ахнул. Моё запястье было разрезано глубокой раной, и из разодранных в клочья вен во все стороны хлестала кровь.

Несколько секунд – и фонтанирующее кровотечение остановилось, чудовищная боль прошла, а рана зажила без следа. Осталось только вяжущее послевкусие – острый, животный, пронизывающий тело насквозь страх. Страх рыбы, которую поймали, чтобы зажарить кому-то на обед.

Глава 6. Не врач, а мегера

С утра эндокринолог, выслушав жалобы и окинув взглядом мою исхудавшую фигуру, вынес неутешительный вердикт:

– Госпитализировать, причём срочно. Желательно прямо сейчас – по «скорой».

Возражать я не стал – тем более, что температура моя к утру подскочила до невиданной отметки в сорок с хвостиком градусов, и на приём я приехал, колотясь от лихорадки.

В десятом часу я уже лежал в эндокринологии. Госпитализация тоже не прошла без приключений. В процедурном кабинете отделения при виде или, точнее, запахе чужой крови мне сделалось дурно – как и вчера, на заправке. Мир снова стал чёрно-белым, и я увидел себя со стороны. Пока медсестра брала анализ у другого пациента, я прошмыгнул к стоящим за её спиной пробиркам, схватил одну и попытался свинтить с неё крышку. Чувство сухости в горле смешивалось с диким ужасом от того, что я не мог себя контролировать. После нескольких секунд борьбы со своим альтер-эго, я всё же ударил себя – то есть, его – по руке. Пробирка выпала, но, к счастью, не разбилась, а только шумно покатилась по металлическому столу.

– Простите, – пробормотал я в ответ на немой взгляд мед-

сестры и запоздало схватился рукой за столешницу. – У меня... потемнело в глазах. Чуть в обморок не упал. Пойду лягу. Возьмите мне кровь в палате, пожалуйста.

Задержав дыхание, я пулей вылетел из процедурного кабинета.

Чуть позже кровь у меня всё-таки взяли. Дурнота прошла, мир снова принял цветной облик, но странности продолжались.

Следующая порция удивления ждала меня в кабинете ультразвуковой диагностики. Врач, который делал мне УЗИ – молодой мальчик-практикант – долго водил по моей груди датчиком и так, и этак, щёлкал кнопками и напряжённо молчал. Я тоже слегка напрягся, предвкушая, что сейчас он скажет что-нибудь вроде: «Извините, но, кажется, у вас нет сердца».

– Наверное, аппарат глючит, – наконец, сказал он. – Подождите, сейчас перезагружусь.

Но и перезагрузка системы, кажется, не помогла. Узист долго не решался снова со мной заговорить, только вздыхал и время от времени почёсывал затылок, а потом пробормотал:

– Странно как-то получается... Никогда такого раньше не видел.

– Что там у меня? – я встrepенулся и начал выкручиваться, пытаюсь увидеть изображение на мониторе. – Моё сердце не бьётся?

– Оно сокращается, – врач мотнул головой. – Клапаны работают. Вот, видите? Но...

– Но?..

– Оно сокращается так слабо, что вряд ли могло бы толкнуть кровь в артерии.

– Что же оно толкает, если не кровь? – выдохнул я.

– Не знаю, – практикант поправил очки, придвинулся ближе к аппарату и несколько раз подряд сильно зажмурился, глядя в монитор, а потом выпалил. – Как будто бы воздух.

– Воздух?!

– Простите. Допплер тоже не работает. Я сегодня вызову техподдержку. Приходите завтра, когда починят аппарат.

Но и на следующий день аппарат не изменил своего мнения по поводу моего сердца. Глядя на бланк УЗИ, заведующий эндокринологией, сначала тоже подзавис на некоторое время, потом крепко выругался в адрес практиканта, махнул рукой и, судя по всему, плюнул на нереалистичный результат. Тем более, что его больше интересовало исследование щитовидки, а с ней всё было в полном порядке.

В середине следующего дня ко мне в больницу внезапно нагрянул в гости Стас. Влетев в палату, он воскликнул с порога:

– Тебе сейчас ни в коем случае нельзя болеть, слышишь?! – подлетев ко мне, он громким шёпотом зачастил мне в ухо. – Гриша! Скажи... только честно... это всё из-за

СКОКа, да?! Ты тут прячешься от них?! Что у вас там произошло позавчера?!

– Ничего не произошло, – мне пришлось немного покривить душой, чтобы его успокоить. – Просто так совпало. Можно сказать, плановая госпитализация. Из-за диабета.

– Точно? – с недоверием переспросил Стас.

– Ну... да. У меня ещё и температура поднялась. Вот, пощупай.

Потрогав мой лоб, кадровик выпалил:

– Ну и слава богу! Это же просто супер!

– Я бы так не сказал... – вяло поспорил я. – Устал уже...

– Значит, мне им сказать, что ты продолжаешь работу над проектом? Они уже ищут тебя.

– В смысле, ищут? – от одного воспоминания о «святой» троице меня передёрнуло.

– В прямом. С утра сегодня названивают в офис. Они готовы с тобой работать. Ждут тебя в их московском филиале.

Вот это новость. Почему-то мне казалось, что после грубости, которую я отколосил им на прощанье на бензоколонке, они точно больше не согласятся иметь со мной дело. И вот, пожалуйста. Как же мне теперь выкручиваться?

– Послушай, Стас. Эээ... Я не уверен, что...

– Нет, – кадровик решительно меня перебил, – Гриша, нет! Только не говори мне, что сольёшься так же, как Валерка!

Имя конкурента прозвучало в его устах настолько прене-

брежительно, что я призадумался. А и впрямь, у нового Кастиного ухажёра, похоже, оказались не стальные яйца. Но я-то теперь, можно сказать, неуязвим. Может, благодаря кристаллу я смог бы сделать невозможное и довёл бы до конца этот мистический проект.

– Так что мне передать им? – сидя на табуретке рядом с моей кроватью, Стас нервно барабанил пальцами по коленям.

– Передай, что я буду у них, как только меня выпишут, – выпалил я.

– Ура! – возопил кадровик, взвившись на ноги. – Аллилуйя! Ты нам всем жизнь спас!.. Ну... или, по крайней мере, жопу.

* * *

После того, как я дал кадровику и СКОКу столь громкое обещание, выздороветь мой организм не торопился.

Внешне я держался весьма бодренько, не считая уже привычной бледности. Веснушки окончательно исчезли, лишний вес тоже, зато отчётливо проявились мышцы: на плечах, руках, ногах, груди, прессе. Как будто я не валялся в постели вот уже почти две недели, а всё это время не вылезал из качалки. Зубы побелели. Глаза, напротив, как будто бы по-

темнели и стали выразительнее. Молодые медсестрички на посту то и дело строили мне глазки, но мне было, мягко говоря, не до них.

Самочувствие моё колебалось между «плохо» и «хуже некуда». Температура никак не проходила, несмотря на попытки докторов пичкать меня всяческими медикаментами, в том числе и всеми возможными антибиотиками. Днём было ещё более-менее терпимо, но к вечеру и по ночам меня знобило, колотило, руки тряслись. При этом меня постоянно мучило чувство, похожее на жажду и голод одновременно. Я беспрестанно что-то ел или пил, но ни один продукт не приносил мне хотя бы временного облегчения. Пища попросту не насыщала меня. Как будто бы я глотал пустоту, воздух.

Лечащий врач, каждый раз глядя на меня, откровенно чесал затылок и разводил руками. Назначал новые капельницы и анализы, но и это не помогало. Я уже был готов сжалиться над ним, подумывая о том, чтобы перестать его мучить и уйти из больницы под расписку, как вдруг, ровно на тринадцатый день моей госпитализации, в палату к нам заглянула новая врач, которую я раньше в эндокринологии не встречал.

Это случилось днём, часа в два. Я недавно вернулся с обеда и лежал на своей кровати в одних трусах, раскрывшись. Мне было ужасно жарко, как и всегда. Может быть, из-за диабета, а может из-за температуры под сорок.

Дверь распахнулась резко и без стука. Подскочив от неожиданности, я машинально натянул на себя край ском-

канного одеяла. Врач – довольно молодая женщина – с порога смерила меня оценивающим взглядом. А я, в свою очередь, её. С самого начала я ни секунды не сомневался, что она пришла по мою душу.

Было в ней что-то, что меня сразу напрягло. Какая-то холодная, леденящая строгость. Чёрные прямые волосы собраны в тугий хвост. Светло-серые, будто затянутые инеем глаза, смотрят не моргая. Бледное лицо и такие же бледные, практически бесцветные губы. Стройная. Нет, даже худая. С острыми плечами и узкой-узкой талией. Руки с длинными тонкими пальцами прижимают к груди какую-то папку – не иначе как мою историю болезни. На руках, кстати, кожаные белые перчатки аж до локтя. Зачем такие? Мы тут, вроде бы, не заразные...

На безымянном пальце правой руки, прямо поверх перчатки – обручальное кольцо. Поймав на нём мой взгляд, она строго выпалила:

– Волков – это ведь вы, верно?

Мне пришлось снова взглянуть ей в глаза:

– Так точно.

Едва сдержался, чтобы не отдать честь – настолько сурово она ко мне обратилась, словно не врач, а полицейская.

– Я заведующая отделением гематологии. Стелла Вернер.

По правилам этикета мне следовало бы сказать что-то вроде «очень приятно», но эти слова из горла не вышли, поэтому я промолчал.

Врач задумчиво прошлась по палате, осматривая других больных. Четверо моих соседей, несмотря на знойный летний день, сидели в кроватях, укутавшись в тёплые свитера и обмотавшись одеялами – впрочем, как и всегда.

– На что жалуетесь, Волков?

– Жарко мне, – выпалил я. – А окно не дают открыть.

– Тоже мне, беда, – даже не удосужившись посмотреть в мою сторону, врач достала из кармана бесконтактный термометр и по очереди обошла всех моих соседей, щелкая кнопкой. – Тридцать пять... Тридцать пять и два... Тридцать четыре и восемь... О, а вы рекордсмен – у вас почти тридцать шесть! Давно у вас всех такой упадок сил или только с тех пор, как вместе с Волковым лежите?

Сарказм в её голосе мне не понравился. А уж когда она подошла ко мне и подставила «дуло» термометра к моему лбу, мне и вовсе захотелось отстраниться.

– Сорок и четыре, – резюмировала врач довольно равнодушно.

– У меня в последнее время всегда так.

– Да, я в курсе.

– Этот жар меня замучил.

– Вас не знобит?

– Нет, наоборот. Очень жарко и душно! А соседи, как назло, постоянно мёрзнут...

Вернер выглядела озадаченной.

– Так, понятно, – пробормотала она, снова оглядев дрожа-

щих от холода больных, и дальше уже решительнее. – Вставайте, Волков. Поговорим у меня в кабинете. Только, будьте любезны, сначала оденьтесь попримичнее.

Мне пришлось натянуть треники и футболку и спуститься на второй этаж в отделение гематологии.

Сидя напротив меня в ординаторской, Стелла Вернер задумчиво крутила кольцо на безымянном пальце. Сначала она просто молча изучала меня, потом, наконец, опустила глаза в мою историю болезни.

Сколько же ей всё-таки лет?.. Я призадумался. С одной стороны, по возрасту выглядит так, будто бы только что из ординатуры, но с другой – деловая не по годам и чересчур строгая для ординантки.

Не замечая на себе пристального взгляда, Вернер листала мою карту. И чем дольше она её читала, тем напряжённее становилось её лицо. Она изредка поглядывала на меня – сначала с едва заметным подозрением, а увидев первый анализ крови – уже с чем-то вроде опаски.

– Снимите футболку, – в её голосе звучала неприкрытая неуверенность, будто она и сама подозревала бесполезность этого осмотра.

«То наденьте, то снимите», – мысленно брюзжал я, пока она изучала мой торс, слушала лёгкие и сердце.

– Сядьте.

– Одеваться?

– Не надо, – достав металлическую ручку, она постучала пальцем по её кончику. – Смотрите сюда.

Всё шло хорошо, пока она просто водила ручкой в воздухе, следя за движением моих зрачков. Но стоило ей щёлкнуть кнопкой фонарика, о наличии которого я поначалу и не подозревал, как ослепительная вспышка кристалла больно ударила меня по глазам.

– Вот чёрт! – инстинктивно оттолкнув её руку, я дёрнулся назад.

Повсюду плыли кислотно-зелёные круги. Некоторое время я кроме них совсем ничего не видел – веки потяжелели, сомкнулись, и теперь я никак не мог их разлепить.

– Извините, – пробормотал я, вытирая футболкой слёзы, текущие из глаз. – Просто слишком яркий у вас фонарик...

– Что тебе нужно?! – рывкнула Вернер, с шумом кинув ручку в ящик стола.

– В смысле? – непонимающе переспросил я, позабыв о боли.

– Что ты от меня хочешь? – в её голосе звучала сталь.

– Полагаю, что меня к вам направил лечащий врач, – я чувствовал себя так, будто говорю по меньшей мере с сумасшедшей. – Выздороветь хочу, лежу в больнице почти две недели. А они не знают, как меня лечить. Анализ крови плохой. У меня анемия и что-то с гемостазом... я сам до конца не понял. Мне сказали, что моя кровь... совсем не сворачивается, что ли. И эритроциты не оседают... Да, и ещё у

меня странные ЭКГ, а на УЗИ сердца...

– Придурок! – в сердцах воскликнула Стелла.

– Ну, знаете ли, – тут уже начал закипать я. Я в сердцах скомкал футболку и кинул её прямо ей на стол, – если вам мало платят или что-то вроде того, то я в этом не виноват. Не нравится работать – увольняйтесь, но не надо хамить пациентам! Никто не давал вам право так со мной говорить!

Подумать только, на вид студентка, а ведёт себя как старуха! Ну точно ей уже за тридцатник перевалило, если не за тридцать пять...

– А тебе кто дал право показываться на глаза врачам? – шипела она, теперь уже тише.

– Что?!

– Зачем ты припёрся в больницу? Чего ты всем этим хочешь добиться, идиот?! Ты хоть понимаешь, чем это нам грозит?!

Погребённый под ворохом её абсурдных вопросов, я совсем растерялся и притих. Просто сидел и глазел по сторонам, изо всех сил пытаюсь хоть на чём-нибудь сфокусировать взгляд. Зрение постепенно возвращалось, но теперь разболелась голова.

– Ну хорошо, – Вернер выдохнула, возвращая на лицо деловитую холодность. – Давай-ка посмотрим, какие ещё анализы они успели у тебя взять...

Брезгливо смахнув футболку на пол, она снова взяла мою историю болезни. Её тонкие аристократические пальцы ве-

ром пролистали страницы папки, и уже через полминуты она облегчённо выпалила:

– Прекрасно. За две недели почти никаких. Повезло, что эндокринология так отвратительно работает.

– Я бы с вами решительно не согласился. Какое же это везение...

– Заткнись! – рычащим голосом перебила Стелла и, наклонившись ко мне через стол, процедила сквозь зубы. – Значит так, теперь слушай меня внимательно. Сейчас я сочиню тебе какую-нибудь выписку, а потом позвоню в отделение и прикажу выпихнуть тебя из больницы немедленно. И чтобы духу твоего здесь больше не было!

– Что значит «сочиню» выписку?! – возмутился я. – Я вообще-то болен! У меня температура! Нельзя меня просто так взять и выписать!

– А если ты не прекратишь ломать эту комедию, больной, – негодовала Вернер, снимая телефонную трубку, – то я определю тебя в психиатрию!

– Да вы не врач, а мегера! – ахнул я. – Как вы обращаетесь с живым человеком?! Вы же давали клятву Гиппократу!

Лицо Стеллы искривилось, будто она раскусила дольку чеснока:

– Как ты сказал? С живым?.. человеком?!.. Алло, Андрей Александрович!.. Да-да! Я изучила историю... – она дёрнула на себя мою историю болезни, которую я в этот момент попытался у неё отобрать, – этого вашего пациента... да, Гри-

гория Волкова. Так вот, могу вам с уверенностью сказать, что он совершенно здоров. Дальнейшее лечение можно проводить амбулаторно, я назначу ему очень эффективные препараты... Не за что. До свидания.

Трубка с грохотом приземлилась на базу. Она смотрела на меня всё ещё рассерженно, но больше ничего не говорила. Я тоже смотрел на неё – с возмущением и одновременно с отчаянием.

– Жди меня здесь, – вдруг коротко бросила она и вышла – нет, скорее фурией вылетела – из ординаторской.

Следующие несколько минут я провёл в полном одиночестве. Меня по-прежнему бросало в жар, изредка по телу проходили огненные волны. Глаза перестали слезиться, зато, как я увидел в зеркале, висящем у двери, покраснели и опухли. Лицо на их фоне казалось ещё более бледным.

Боже, как же мне теперь выпутываться из этого всего в одиночку...

Врач вернулась так же неожиданно, как и исчезла. Шлёпнула на стол распечатанную выписку, а сверху – ничего себе! – пластиковый пакет с донорской кровью.

– Забирай и проваливай.

Растерянно глядя на жирные «A(II) Rh+», я спросил тихо:

– А это зачем?

– Хватит прикидываться, – Стелла говорила уже без злости, но по-прежнему строго. – Вали. И запомни: увижу тебя здесь ещё раз – посажу на осиновый кол. Тебе всё понятно?

Поёжившись, я вытащил из-под увесистого пакета выписку, подрагивающими пальцами сложил её вдвое и встал со стула:

– Нет, мне ничего не понятно, но я уйду.

Вернер настойчиво подтолкнула донорскую кровь ближе к моему краю стола:

– Возьми, – сейчас её голос звучал мягче и даже немного удивлённо, – я всё равно уже выписала её.

– Спасибо, но я такое не пью, – выдавил я из себя. – От анемии предпочитаю сок. Гранатовый.

Теперь уже доктор ахнула за моей спиной:

– Что ты сказал?.. Повтори!

Но я промолчал. Из принципа. Даже не стал оборачиваться.

Глава 7. Монстр

«Лучше бы я не выпендривался и всё же взял кровь», – подумал я, толкая дверь аптеки. Что-то мне подсказывало, что это было единственное лекарство, которое действительно могло помочь. И всё же я до последнего не терял надежды...

– Здравствуйте! Скажите, а у вас есть вот эти препараты? – я протянул фармацевту листок, распечатанный Стеллой, где помимо всего прочего был огромный список назначенных медикаментов.

Провизор долго изучала выписку, её лицо выглядело озадаченным. Потом, задумчиво сжав губы, она принялась стучать по клавишам компьютера. И, спустя пару минут, выдала:

– Молодой человек, у нас нет этих лекарств. И похоже, что данных препаратов вообще не существует.

– Как такое может быть?! – я с непониманием уставился на неё. – Вы уверены? Мне выписали их в больнице. Тут и печати есть...

– Да, я вижу. Но я проверила каждый пункт по базе – ничего даже близко похожего нет. Более того, названия абсурднейшие. Это даже не латынь, а абракадабра какая-то. Вы посмотрите сами, – она протянула мне лист обратно, но её ру-

ка зависла на полпути. – Хотя, подождите-ка... Вот тут, на обороте, ещё один пункт. Это у нас есть...

Она нагнулась куда-то под прилавок и вскоре вылезла оттуда с двумя батончиками в ярких упаковках. В правой руке зелёная, а в левой – розовая:

– Вам какой, обычный или с клубникой?

– Что это? – я моргнул и потёр глаза.

– Гематоген, – ответила фармацевт по-простецки. – Вам прописали его по одной плитке в день. Так какой вам?

Только сейчас до меня дошло, что Вернер напоследок ещё раз надо мной поглумилась, и я в негодовании треснул кулаком о прилавок:

– Какая же стерва! Сама жри свой гематоген, фашистка!!!

– Молодой человек! – возмутилась фармацевт. – Что вы себе позволяете?! Я сейчас позову охранника!

– Простите, это я не вам. Не надо никого звать, – я хлопал себя по карманам, доставая кошелёк. – Давайте клубничный.

Спустя полчаса, отдышавшись и успокоившись, я закусил зубами гематоген и набрал номер Михаила из СКОК. Так как меня скоропостижно выписали – а точнее, выставили – из больницы, откладывая работу под благовидным предлогом больше не представлялось возможным. Ну и обещания, как известно, надо выполнять.

– Доброго здоровьица, Григорий! – радостно пробасил в

трубку Рэмбо. – Мы вас ждали! Вы уж на нас не сердчайте, если напугали. Вас уже выписали?

«А вас?» – хотелось ляпнуть мне, но я как всегда сдержался:

– Да, спасибо. Выписали. Всё хорошо. А у Ларисы как дела?

– Зажило как на собаке! – неуместно радостно захохотал Михаил. – Ей у нас уже не впервой, так сказать, сходу в бой рваться. Горячая кровь!

– Я готов с завтрашнего дня браться за работу, – вклиниваясь в его смех, сообщил я. – Куда мне подъехать?

– А не надо никуда ехать, голубчик!

Да ну? Уже не надо? Мне нашли замену?!

Но не успел я обрадоваться, как Михаил громогласно пояснил:

– Мы сами за вами заедем! Завтра утром в восемь ноль-ноль будьте готовы.

– Я могу приехать на своей машине... – неуверенно поспорил я.

– Увы, нет. Так не получится. Местонахождение нашего штаба – секретная информация.

Вот оно как!

– Понял. Что ж, хорошо. А мой адрес...

– А ваш адрес мы уже знаем. Так что до встречи завтра, Гриша!

Час от часу не легче.

Положив трубку, я ещё долго сидел на ступеньках аптеки и грыз гематоген. Потом заказал себе такси и поехал домой. А что мне ещё оставалось. Перед днём, полным сомнительных приключений, хорошо бы как следует поспать...

* * *

– Григорий Волков?

– Верно. У вас для меня бандероль? – догадался я, едва заведя у подъезда моего дома человека в сине-оранжевой форме.

– Если бы. Посылка, – кряхтя, курьер, вытащил из багажника фирменного авто картонную коробку и поставил её передо мной на скамейку.

Я окинул посылку глазами, прикидывая, что там может быть. По размеру не очень большая, но, судя по всему, довольно тяжёлая.

– Вот, распишитесь.

– Надеюсь, там не бомба? – хмуро пошутил я, заполняя накладную.

Пожав плечами, курьер без слов сел в машину и вскоре был таков.

Я же поднялся в квартиру и, пару минут поколебавшись, всё же распаковал отправление.

Вздых удивления вырвался из моей груди. Кровь! Несколько пол-литровых пакетов донорской крови с наклейками «Хранить при температуре от +2 до +6». Я дотронулся до одной из упаковок: ещё холодная.

Меня передёрнуло, но это была дрожь не отвращения, а скорее нетерпения. Во рту пересохло, скулы напряглись, зрение смазало. Трясущимися пальцами я выудил со дна плотный бордовый конверт. На этот раз текста совсем немного:

«Я понял. Если о тебе не позаботиться, то ты такими темпами впадёшь в голодную кому. А ещё хуже – сожрёшь кого-нибудь и наживёшь себе проблем.

Не благодари. Этого тебе должно хватить на первое время. Обязательно выпей хотя бы стаканчик на ночь. Приятного аппетита».

Меня не пришлось упрашивать дважды. Но насчёт стаканчика – здесь мой спаситель, конечно, пошутил. Потому что стоило мне срезать ножницами уголок у первой упаковки, как мир стал чёрно-белым, и дальше моим телом управлял уже вовсе не я.

Мне оставалось только издали и откуда-то сверху наблюдать за возбуждённо дрожащим хищником, который залпом опрокинул в себя первые пол-литра крови, а потом, откинув ножницы, следующие пакеты рвал уже зубами – огромными, острыми, сверкающими в темноте звериными клыками.

Когда все десять пакетов были опустошены, я вернулся в тело, и понял, что меня жутко – просто нестерпимо – тошнит. Желудок содрогался от спазмов. Тяжесть в нём была такой, будто я выпил пять литров жидкого свинца, а не крови. Зажав рот рукой, я распахнул дверь в туалет и опустился на колени перед унитазом, но рвоты, вопреки моим ожиданиям, не последовало. Только несколько алых капель упало с моих губ в воду.

Кристалл накалился до красноты, меня бросило в жар. Свинец, словно вскипая и бурля, превратился в пар и разошёлся по всему телу. Я ощутил, как тяжесть трансформируется в неопиcуемый прилив сил. Как напрягаются мышцы во всём теле, готовые согнуть или сломать что угодно. А следом меня накрыло сексуальное возбуждение, которое за считанные секунды достигло пика и вылилось в долгий оргазм. Из глаз потекли слёзы – то ли от ослепляющего всплеска света, порождённого кристаллом, то ли от нестерпимо ярких телесных ощущений.

Через пару минут, показавшихся мне путешествием через вечность, всё закончилось. Я, лёжа на кафельном полу, трясся от страха перед самим собой.

Господи Боже, кто этот зверь?! Да он же болен! Спаси меня от него, Господи! Вырви этот кристалл из моей груди. Воскреси моё сердце. Верни мне меня. Исцели...

Интересно, слышит ли Бог молитву таких нечистей, как я? Мне никто не ответил. Никакого знака или сигнала – ти-

шина. Только тихо-тихо капала вода в унитазе. Давно пора починить этот бачок...

* * *

«Ох... Я, конечно, жутко влип. Не поспоришь. Но хорошо хоть, что я не взял ту больничную кровь, а то кончил бы прямо в кабинете у Стеллы, – пришла ко мне шальная мысль получасом позже, когда я стоял под душем. – Было бы совсем неловко. Хватит уже того, что я забыл там у неё свою футболку...»

Я как мог пытался себя развеселить и отвлечь от мыслей о произошедшем. От мыслей о зависимости и о том, что я, похоже, и впрямь больше не могу называться человеком. Гадкая гематолог всё же была права. Где вы видели человека, способного за считанные секунды залить в себя пять литров крови и, не моргнув глазом, её переварить? Это даже не хищник и не зверь, а монстр какой-то!..

Обмотавшись полотенцем, я вылез из ванны пошёл на кухню. Заварил себе крепкий чай и сел за стол с бордовым конвертом.

«Сегодня особый день. Мне волнительно и страшно одновременно. Антон пригласил меня на свидание...»

Третья запись из дневника пахнет любовным рома-

ном. Что ж, может это и неплохо. Мне сейчас срочно нужно почитать что-то такое лёгкое. Что-то человеческое. Про простых смертных.

«Очень волнуюсь. Просто не нахожу себе места. Может быть, пока буду писать эту запись, хоть немного успокоюсь...

Расскажу пока, как мы познакомились.

С тех пор, как я впервые его увидела, прошло уже целых две недели. Я не пропускала ни одного учебного дня. В нужный час я была на станции, чтобы встретить вечерний поезд. Нинка, конечно же, каждый раз ходила со мной. И уже который день мы с ней договаривались, что вот именно сегодня, без отговорок, обязательно подойдём познакомиться. Решимся, преодолеем смущение и заговорим. А дальше будь что будет.

Сначала мы трусили обе, и уговоры оставались просто уговорами. А потом она вдруг решилась и подошла к Златовласке. Начала беседовать с ним о чём-то, стоя поодаль от меня. Шутила, хихикала. Златовласка, как оказалось, жуткий болтун. Рот у него не закрывался. В тот день он настолько заговорился с Нинкой, что не пошёл на занятия. Они так и стояли на перроне и что-то обсуждали до ночной электрички. А я сидела на скамеечке и издалека наблюдала за ними. На душе было хорошо, я радовалась за Нинку, а на себя немного злилась – за то, что не могу последовать её примеру.

На следующий день Нинка и Златовласка встретились снова и вместо занятий побежали гулять в лес. Она мне рас-

сказывала потом, что там, сидя на поваленном дереве, они долго-долго обнимались и целовались. А я слушала и смотрела на неё с восхищением. Вот это да. Какая же она взрослая – так спокойно об этом рассказывает, даже не краснеет. Не то, что я. Стоит мне увидеть того рослого серьёзного брюнета – сразу тушуюсь...

Я бы наверное так никогда и не отважилась с ним заговорить, но ещё через пару дней, когда мы обе снова стояли на станции, встречая поезд, Нинка решила, что пора брать дело в свои руки. Дождавшись, когда знакомая широкоплечая фигура замаячит среди толпы студентов, она толкнула меня в его сторону со словами: «А ну-ка иди узнай хотя бы, как его зовут!»

Может быть, я бы даже успела избежать столкновения, но то ли споткнулась, то ли ноги от страха заплелись. В общем, я потеряла равновесие и полетела прямо навстречу брюнету.

Не успев вовремя затормозить, студент въехал в меня на полном ходу, да так, что ещё и выпустил из рук свой учебник, который до этого прижимал к груди. Сам, правда, смог устоять на ногах, в отличие от меня. Зато из книги вылетели какие-то листы – много-много исписанных листов – и все рассыпались по перрону.

– Простите, пожалуйста! – пролепетала я, поднимаясь. Кажется, я в этот момент не покраснела, а наоборот, побледнела, испугавшись, что всё испортила.

– Эй, аккуратнее! – бросил брюнет недовольно. Присев,

он начал торопливо собирать свои конспекты. Даже не взглянул на меня.

– Извините... – бормотала я, опустившись на корточки с ним рядом. – Я не хотела... Давайте я вам помогу... Не переживайте, ничего не потеряется... Мы сейчас быстро... Вот!

Я протянула ему то, что успела собрать. Наши руки встретились, и тут наконец-то он поднял глаза на меня.

– А ты кто? – вопрос застал меня врасплох. В горле пересохло, и я пискнула хрипло:

– Света...

– Очень приятно, Света. А я Антон. Спасибо, – взяв у меня стопку листков, он заложил их обратно в учебник и кивнул.

Поднялся, отряхнул пиджак и уверенно пошёл к ступенькам, ведущим вниз с перрона.

– И даже не попрощался! – выдохнула подскочившая ко мне Нинка. – С отличниками всегда так! Зазнайки!

Да уж. Что-то этот Антон был не особо приветлив со мной. Наверное, я ему не понравилась. С другой стороны... Он ведь сказал, что ему очень приятно...

Так я размышляла, ворочаясь перед сном в кровати. В ту ночь мне никак не удавалось заснуть, я перекручивала в голове сцену нашего знакомства снова и снова.

На следующий день, то есть вчера, Антон как всегда вышел из поезда одним из последних и снова с книгой в руках.

Наверняка читает в пути что-то по учёбе. Не теряет ни минуты свободного времени – на то он и отличник.

Вряд ли у меня хватило бы духу снова к нему обратиться, такому важному и серьёзному, но он вдруг сам отыскал меня в толпе и подошёл:

– А, Света! Привет. Часто здесь бываешь?

– Ну, не то чтобы часто... – протянула я, чувствуя, как загораются щёки.

Я вскочила с лавочки, чтобы с ним поравняться. Хотя даже теперь он всё равно был выше меня на целую голову.

– Завтра у нас не будет лекций, – убирая учебник в портфель, проговорил он. – Но давай я всё равно приеду сюда, и мы сходим куда-нибудь?

– Завтра?.. Эээ... Я... Даже не знаю... – запинаясь я, не зная, как правильнее согласиться.

– Ты бы хотела? – его чёткий вопрос прервал череду моих междометий.

– Да, – выпалила я и задержала дыхание, стгорая от стыда.

– Отлично. Тогда жду тебя завтра на этом же месте.

Он деловито кивнул и, не прощаясь, пошёл к выходу со станции.

Всё сухо и строго. Чётко. Как в аптеке. И в то же время что-то ведь его привлекло во мне. Что-то он всё же чувствует. Такое живое, человеческое. Там, глубоко внутри за этой маской серьёзного врача...

Какой он на самом деле?..

Завтра напишу. А пока буду готовиться к свиданию.
Сталинград,
10 июня 1941 г.»

Глава 8. Русские не сдаются

Маленькая площадь, вымощенная камнем. Низкие домики с белыми стенами и коричневыми крышами. Узкая церквушка с колокольной царапает острым пиком хмурое небо. Небольшой городок явно сошёл с какого-то пейзажа времён средневековья.

Вдали в проёмах арок извиваются тесные улочки, шумят торговые ряды, и кони, впряжённые в повозки, поднимают копытами пыль.

А вот под моими ногами вовсе не пыль. Под моими ногами шуршит солома и хрустят ветки валежника, а сам я крепко-накрепко привязан спиной к деревянному столбу, стоящему на эшафоте.

Вокруг меня собирается толпа зевак. С каждой секундой людей становится всё больше, но в то же время я совсем не ощущаю их присутствия. Может быть потому что лиц у них нет. Ни глаз, ни бровей, ни рта, ни носа – словно их черты стёрли. Осталась только белая, как штукатурка, кожа.

Знакомая женская фигура, облачённая в серый балахон, появляется словно из ниоткуда. Она поднимается ко мне по скрипучим деревянным ступенькам, держа в руках горящий факел. Её лица я тоже не вижу, потому что на него падает тень от низко надвинутого капюшона. Впрочем, конспира-

цию можно назвать излишней. Я легко узнаю её в любом ам-
плуа.

Вообще ситуация, конечно, так себе. Кажется, разворачивается сюжет очередного кошмара. Но, вместе с тем, что-то сегодня по-другому. Я ловлю себя на мысли, что не боюсь, как раньше. Может потому что уже успел познакомиться с этим персонажем и считаю его в каком-то роде за старого приятеля. Или потому что осознаю тщетность её попыток меня убить. Дважды ей ничего не удалось со мной сделать, не удастся и в третий раз.

– Ну это уже ни в какие ворота не лезет... – с напускным недовольством возмущаюсь я, пытаюсь освободиться от красной нити, плотно примотавшей меня несколькими десятками оборотов к столбу. – Я тебе что, ведьма, что ли? А ну-ка, развяжи!

Фигура ахает. Не иначе как от моей бесстрашной наглости.

– Послушай, – продолжаю я. – Мне уже порядком надоели эти сны. Может ты просто скажешь прямо, что тебе от меня нужно? В чём я провинился перед тобой?

– Ни в чём, – отвечает мне эхом тихий бесцветный голос. Что ж, это уже лучше, чем агрессивное шипение. – Я просто палач.

– А кто вынес приговор?

– Ты сам. Когда передал мне в руки свою красную нить.

– Да ничего я тебе не передавал!

В ответ она вытягивает вперёд раскрытую ладонь, и я вижу, что второй конец красной нити и впрямь лежит у неё в руке.

– Давай закончим с этим побыстрее, – она приседает и подносит факел к пучку соломы.

Высохшее сено с готовностью подхватывает огонь. Голодное пламя, дрожа и потрескивая ветками, быстро подбирается ко мне. Уже вот-вот начнёт облизывать своими языками мыски ног.

– Вот блин! – сетую я, усиливая попытки освободиться. – С тобой не договоришься... Ай, горячо же! Ребята у кого-нибудь есть вода? Затушите меня, пока не поздно!..

Безликая толпа молчит в ответ. Понятно – их равнодушным, ничего не выражающим физиономиям всё равно, жив я или мёртв. Помощи можно не ждать.

Огонь тем временем уже накидывается на мои ноги – обжигает ступни, окутывает голени, жалящей змеёй поднимается к коленям. В этот раз я не кричу, хотя мне жутко больно. Только дрожу мелко-мелко и прикусываю губу.

Пламя бесстыдно раздевает меня – проглатывает мои ботинки и низ брючин, опаливает кожу. Цепляясь за бёдра, поднимается выше – подбирается к самому дорогому, что у меня есть. И вот тут на меня накатывает волна липкого животного страха. Настолько нестерпимая, что я перестаю пытаться освободиться и застываю как вкопанный, зажмурившись от ужаса.

По моему лбу градом стекает пот. Хочется завывать, но я не вою, нет. Эта извращенка от меня такого не дожждётся. Как и любой кошмарный персонаж, она, должно быть, питается моим страхом, и если я не буду бояться её...

«Просто не бояться. Не бояться. Не бояться! – твержу я себе мысленно. – Это только сон! Я в безопасности. Нужно просто не бояться. И проснуться. Проснуться!.. Вспоминай срочно, где ты засыпал в последний раз! Какой сейчас день?!.. О, чёрт, как же больно!..»

Не в силах больше сдерживаться, я кричу от боли, а следом за моим криком воздух вдруг пререзает громкая музыка. Да ещё какая! В самом разгаре казни раскатисто, с эхом, на всю городскую площадь внезапно начинает играть хит «Металлики». Моя любимая песня! От неожиданности я даже забываю, что горю. Давайте, жгите, ребята. Помирать – так с музыкой!

Цвета средневековья смешиваются в дрожащем раскалённом воздухе и каплями стекают к моим ногам, будто масляные краски с картинного холста. Всё вокруг тонет в звуках гитары, и прошлое плавится как воск – исчезает, уступая место настоящему.

Нет больше площади, зевак, эшафота и палача. Я один в своей комнате – лежу в кровати, за окном солнечное утро, а рядом на тумбочке разрывается от входящего звонка мобильный телефон.

– Катя! – выдохнул я в трубку. – Как же хорошо, что ты

позвонила!

– Я так рада слышать, что ты по мне соскучился, Гришечка!

– Ну, не то чтобы...

Я откинул в сторону одеяло и, прищурившись, с трудом заставил себя посмотреть вниз.

Несдержанный стон сорвался с моих губ. Зрелище, что уж там говорить, не для слабонервных. От ступней до коленей на мне не было просто ни единого живого места. Не ноги, а сплошное красно-буро-жёлтое месиво – всё в кровавых ожогах с огромными волдырями. Бёдра тоже частично обгорели, но самое ценное мне всё же удалось успеть сберечь. Облегчённо выдохнув, я пробормотал в трубку:

– Просто мне кошмар приснился.

– Это наверное из-за духоты. Сегодня такая жара с самого утра. Ты открываешь окно на ночь?

– Да уж, самая настоящая жара, – буркнул я. – Пойду в душ. Охлажусь. Спасибо ещё раз.

* * *

Не знаю, что от меня хотела Катя, да ещё и так рано, но благодаря ей я даже не опоздал на работу. У моего кристалла было ещё целых полчаса, чтобы привести меня в поря-

док перед встречей со СКОКом. Впрочем, он справился даже быстрее. За считанные секунды волдыри на ногах сдулись, засохли, корочки отвалились, и на их месте проявилась новая кожа – сначала немного розоватая, но уже вскоре она побледнела, и на недавние ожоги не осталось никакого намёка. Кошмар исчез без следа – правда, только внешне. Внутри мне по-прежнему было, мягко говоря, дурно.

Ровно в восемь, услышав с улицы бесцеремонные автомобильные гудки, я выглянул из окна и увидел Михаила, стоящего рядом с тёмно-зелёным военным «бобиком». Увидев меня, он бодро помахал мне рукой.

От мысли о том, что мне придётся лезть внутрь этого видавшего виды драндулета, утянутого сверху плотным чёрным тентом, да ещё и ехать невесть куда из Москвы, меня передёрнуло. А когда я понял, что задний ряд сидений, куда меня вежливо пригласили, был отгорожен от переднего металлической решёткой, а вдобавок к ней – глухой непросматриваемой перегородкой, мне стало совсем не по себе. Не очень-то хотелось ехать вот так – как преступнику – в крошечной темноте без возможности видеть направление.

Ладно, может быть, темнота – это не так уж и плохо. Но быть котом в мешке, которого везут куда-то вслепую два нешибко вменяемых типа, было стрёмно.

За рулём «уазика», как следовало догадаться, сидела Лариса. Девушка со мной не поздоровалась. Нервно подёргивая плечом, она крутила в зубах сигарету и пристально смот-

рела мне в глаза через зеркало заднего вида до тех пор, пока Михаил не задвинул перед моим носом перегородку.

Задняя часть «бобика» погрузилась во мрак, двигатель заревел, и мы рванули с места. Теперь только по рельефу местности я мог догадываться, куда меня везут.

Весь путь занял у нас около двух часов. Стоило нам вырваться из московских пробок, как ровная асфальтовая дорога довольно скоро сменилась сначала неровной ухабистой, потом чем-то вроде грунтовки, а ближе к концу поездки машину и вовсе трясло так, будто мы ехали по бездорожью.

Наконец, автомобиль начал снижать скорость. Некоторое время он плёлся медленно и вскоре окончательно остановился. Мотор заглох. Хлопнули передние двери, и вот уже Михаил распахнул передо мной заднюю, любезно приглашая на выход.

– Приехали, Гриня.

Щуря глаза, успевшие отвыкнуть от света, я спрыгнул с «уазика» и огляделся.

Складывалось впечатление, что я попал вовсе не в НИИ, а на секретную военную базу, расположенную в непроходимом глухом лесу.

Вокруг территории, куда мы заехали, возвышался высокий бетонный забор с витками колючей проволоки и огромными металлическими воротами, через которые, собственно, мы сюда и попали. Слева от меня – какие-то ржавые ангары. Справа – два невысоких одноэтажных здания с

облупленной краской на стенах и с крышами, поросшими мхом. Рядом довольно большая парковка, где в несколько рядов стоят такие же «уазики», на одном из которых мы приехали. Некоторые с металлическими крышами, некоторые с тентами, как у нашего. Но у всех решётки и плотные перегородки на заднем сидении. В дальней части территории угадывается какая-то квадратная постройка довольно внушительных размеров. По виду что-то вроде бункера – невысокая, без окон, зато с огромной металлической дверью, наглухо заколоченной, запертой засовами и вдобавок несколькими замками.

– Добро пожаловать в СКОК, – пробасил Михаил и хлопнул меня по плечу. – Сейчас мы вам покажем ваше рабочее место. Только сначала вас осмотрят и просканируют. Приготовьте паспорт и выложите всё из карманов.

Услышав слово «просканируют», я съёжился и принялся глазами искать бородатого чудика со вспышкой.

– Арсений Павлович просил передать вам привет, – словно прочитав мои мысли, пояснил Рэмбо. – Он сегодня трудится в лаборатории. Главный научный сотрудник всё-таки. Много работы.

Я с облегчением выдохнул. Хотя бы сегодня никто не будет изгонять из меня бесов, уже радует.

– Вот, сюда, пожалуйста, – Михаил указал мне на вход в ближайшее одноэтажное здание. – Тут у нас, так сказать, проходная.

Проходная выглядела внутри так же уныло, как и снаружи. Грязно и ремонта не было как будто со времён Второй мировой. Стены прятались за отслаивающейся серо-голубой краской, с потолка осыпалась штукатурка. На полу – потрескавшийся жёлто-коричневый кафель, весь в разводах.

Холл был большой, но абсолютно пустой. Если не считать самого проходного пункта, хотя и тут всё оказалось весьма скромно: обшарпанный деревянный стол, по другую сторону которого стояли два угрюмых охранника, и закрытый сканер, похожий на один из тех, что обычно ставят в аэропортах.

Выложив телефон и ключи на стол, я прошёл в кабинку. Охранники, не проронив ни слова, сверлили меня глазами и изредка поглядывали на монитор. Я в свою очередь изучал их: мощные такие ребята, высокие и широкоплечие. С одной стороны из плечевой кобуры у них торчали рукоятки пистолетов, с другой – длинные ножи, похожие на тот кинжал, который при первой встрече, словно бы невзначай, продемонстрировал мне Рэмбо. Какое-то специальное оружие против вампиров, что ли?..

На поясе у секьюрити висело ещё по одной кобуре – в неё было напихано много каких-то мелких предметов, но что именно – я, как ни приглядывался, так и не понял.

– Всё в порядке, Гриша, проходите, – раздался за моей спиной раскатистый голос Михаила.

Значит, их сканеры до сих пор меня не «видят», это хорошо. Не хотелось бы испытывать на себе весь арсенал этих

суровых качков. Запоздало кивнув охране в знак почтения, я прошёл следом за Рэмбо.

Мы спустились по старым, рассыпающимся бетонным ступенькам вниз в подвал и там внезапно наткнулись на огромную металлическую дверь с круглым вентиляем. Снаружи дверь была грубо и небрежно выкрашена в унылый бежевый цвет, краска потрескалась и откололась в нескольких местах. Там, где у обычных дверей бывает глазок, красовалось небольшое зарешеченное окошко. С другой стороны двери с лёгким скрежетом отодвинулась закрывавшая окошко задвижка, и я, ей-богу, прямо почувствовал, как кто-то изнутри рассматривает нас придиричивым взглядом.

Наконец, завертелся вентиль, дверь лязгнула и отворилась нам навстречу. И первым, кого я увидел, заглянув за неё, оказался... Линкольн!

Нет, конечно, это был не он – но сходство поразительное! Огромный чёрный доберман в металлическом ошейнике, которого держал на поводке не менее огромный мужик в камуфляже. Еще один хмурый дядька стоял немного сзади, вооружённый, помимо уже знакомых мне пистолета и ножей, старым добрым АК-74. Оба были в тяжёлых бронежилетах.

Повинуясь почти незаметной команде хозяина (не скрывшейся, впрочем, от моих глаз), доберман подошёл ко мне и принялся обнюхивать. Я дружелюбно улыбнулся ему и почти сразу почувствовал его ответное расположение. Ткнувшись несколько раз мокрым холодным носом в мою руку, псина

преданно посмотрела на меня и лизнула её своим мягким, горячим языком. Я чуть не засмеялся, увидев, как вытянулись от удивления лица дюжих охранников.

Впрочем, я и сам не очень-то понимал причины такого поведения собаки. Неужели дружба с Линкольном сделала меня каким-то таинственным образом приятелем всех доберманов? Что же, поразмышляю над этим на досуге, а пока охранники и собака расступились перед нами, и мы с Михаилом устремились дальше.

Похоже, что мы находились в каком-то подвальном помещении – коридор был до бесконечности длинный. Каждый шаг отзывался гулким эхом. Сверху над нами протянулись длинные толстые трубы, замотанные полусгнившей изоляцией. В некоторых местах с труб капало, и на кафельном полу скапливались небольшие лужицы. В стороне что-то протяжно гудело, то затихая, то расходясь вновь.

Через некоторое время коридор начал петлять. По пути нам несколько раз встретились ответвления, а также закрытые боковые двери, сделанные из такого же крашенного металла, что и входная сейфовая. Когда я проходил мимо одной из них, до моих ушей донёлся странный потрескивающий звук, напомнивший мне мой давешний кошмар – как будто комната за дверью была полна поленьев, и кто-то развел там весёленький костер. Действительно, немного пахнуло горелым, но пожарная сигнализация не сработала.

Из-под другой двери на середину коридора растеклось –

и засохло – темно-бурое пятно. Михаил посмотрел на него, неодобрительно нахмурившись, и что-то пробурчал себе под нос, но шагу не сбавил. Стараясь не наступать на лужу, я обошел её по краешку и заторопился вслед за своим провожатым.

За всё время пути других людей нам практически не подалось, коридоры оставались загадочно пустынными. Лишь однажды нам повстречался задумчивый молодой человек в толстых очках и голубом одеянии, похожим на хирургический халат. Он вёз перед собой пустую больничную каталку и был так глубоко сосредоточен на каких-то своих мыслях, что никого не замечал – прошел, не поздоровавшись, а нам пришлось расступиться, чтобы он ненароком не задавил нас своей тележкой.

Наконец, мы пришли, как показалось, на место. Дверь, у которой мы остановились, была единственным современным элементом на фоне всей остальной советской разрухи. Её, судя по незапылившейся системе бесключевого доступа, а также яркому металлическому блеску, не испорченному бежевой краской, установили совсем недавно. Михаил, приложил большой палец к сканеру отпечатка, а затем, согнувшись, приблизился к сканеру радужки.

Замок мягко щёлкнул, и мы зашли внутрь.

Здесь ситуация была кардинально другой. Новый ремонт и стерильная чистота. Помещение прямо-таки ослепляло своей яркостью. Глянцевый сверкающий пол, идеально ров-

ные белые стены, свежештукатуренный белый потолок. Огромные, яркие лампы. Модный нынче «опен-спейс», на большинстве столов – компьютеры, но на нескольких также стояли микроскопы и неопознанные медицинские приборы. Туда-сюда сновали люди в халатах. Халаты у них такие же ярко-белые, как и всё вокруг. Настоящий ад для вампира.

Я невольно сощурился и протёр слезящиеся глаза. Рэмбо, к счастью, уже потерял бдительность и этого не заметил. Повернувшись ко мне спиной, он махнул рукой – мол, догоняй – и пошёл вперёд, тяжело топая армейскими сапогами по начищенному полу.

Следуя за Михаилом, я с удивлением снова наткнулся на того самого молодого человека в очках, которого мы встретили раньше в коридоре – у него единственного был халат синего цвета. Интересно, как он успел попасть сюда вперёд нас? Вернулся потайными ходами, проходящими через этот лабиринт коридоров? Парень что-то втолковывал низкорослому бородачу, который энергично кивал и делал какие-то пометки у себя на планшете.

Помимо тех, кто суетливо бегал туда-сюда, в зале было несколько сотрудников, которые сидели за столами и носили обычную «штатскую» одежду, причем в почёте, похоже, были свитера и джинсы, а не пиджаки и галстуки. Ещё несколько человек образовали полукруг около флип-чарта с какой-то неразборчивой писаниной и оживленно переговаривались. Я отметил про себя, что никто в помещении не

проявил любопытства и не пытался разглядывать нас. Казалось, что все настолько погружены в свою работу, что даже не замечают появления новичка.

Мы подошли к компьютерному столу, за которым никто не сидел.

– Вот ваше рабочее место. Пока будете использовать логин и пароль вашего предшественника, потом вам сделают собственную учетную запись. Телефон на столе – только для внутренней связи. Вам позвонят, чтобы сообщить нужную информацию. Сам я отойду до обеда, потом вернусь и провожу вас в столовую. Без меня никуда не ходите, а то заблудитесь в наших коридорах, – он неоднозначно ухмыльнулся. – Попробуйте пока покопаться в файлах, которые оставил после себя Валерий Юрьевич. Посмотрите, насколько вы сможете разобраться в его наработках и как много времени вам понадобится, чтобы начать исправлять ошибки в программе. Если что-то срочное, наберите 13-13, вам ответит администратор – он в курсе вашего нахождения здесь.

С этими словами Михаил подмигнул, одобрительно хлопнул меня по плечу и зашагал к выходу, а я принялся за работу.

Находиться среди всех этих незнакомых людей, которые как будто старательно делали вид, что меня не существовало, было неуютно. Впрочем, я быстро заставил себя сосредоточиться на деле, и изучение документов и кода затянуло меня с головой.

В принципе, ругать моего предшественника было не за что. Дела он вёл аккуратно, подробно описывая всё, что сделал: скрупулёзно задокументировал все выявленные ошибки и те действия, которые предпринимались в качестве попыток их устранения – как успешные, так и породившие новые проблемы. Вникнуть в текущую ситуацию оказалось несложно. Если бы к базе был постоянный доступ у нескольких наших специалистов – наверняка мы разобрались бы во всём за пару дней. В одиночку, конечно, сложнее.

При всем моём отношении к Валерке, пришлось признать: он явно по-честному и старательно делал всё, что мог. Даже отразил в документации об изменениях, когда и с кем из наших он консультировался по тем или иным затруднениям, что они ему посоветовали и что из этого получилось. Вот спасибо – а то пришлось бы ещё и наводить порядок в чужом бардаке. Непонятно только, зачем ему понадобилось так срочно всё бросать? Вроде бы дело шло к благополучной реализации проекта и ничто не мешало ему по-быстрому всё доделать и записать в портфолио успешный кейс.

Я отсортировал все документы по дате, и самым свежим из них неожиданно оказался один странный файл под именем «жопа.doc». Последнее изменение было датировано тем днём, когда Валерка исчез. Чувство юмора у него, конечно, как всегда на уровне. Просто новый Галустьян какой-то.

Судя по размеру файла, текста там немного. С другой стороны, возможно, самое главное там всё-таки есть – инфор-

мация, способная пролить свет на исчезновение моего бывшего коллеги.

Увы! Конечно же, Валеркина «жопа» оказалась закрыта паролем. Впрочем, это не такая уж проблема. Нужно просто как-то скопировать файл на компьютер, где есть нужные программы. Только вот как? Доступа в Интернет мне не дали, дисковый привод, разумеется, отсутствовал. Я украдкой осмотрел системный блок – все USB-порты были показательно запаяны. Ну-ну, так просто я не отступлю. Как говорится, русские не сдаются. Даже если перед ними «жопа».

Я побарабанил пальцами по столу. Будь я не я, если что-нибудь в ближайшее время не придумаю.

Глава 9. Череда разрушений

«Что же я наделала! До сих пор не могу прийти в себя! Что теперь будет?!...»

Следующее послание в бордовом конверте я неожиданно обнаружил в своём личном шкафчике в СКОК. В конце первого рабочего дня Михаил вручил мне маленький ключик и сказал, что я могу хранить там свои вещи, одежду и документы. Ещё он намекнул, что желательно бы мне и сотовый телефон оставлять там с утра и забирать только перед уходом. В общем-то, я не возражал, потому что сотовой связи в их подвальном офисе всё равно не было.

Письмо ждало меня на дне самой верхней полки. Осматривая шкафчик, я машинально провёл ладонью там, куда не добирался глаз, и нащупал под пальцами шершавый, бархатистый конверт. Пока никто не заметил, я тайком спрятал находку в рюкзак, намереваясь изучить её дома, вдали от посторонних глаз.

И вот теперь, когда я, наконец, добрался домой, принял ледяной душ и заварил себе большую кружку крепкого чая, можно было приступить к чтению.

«Добро пожаловать к нам в Научно-исследовательский институт Серебряного Кинжала и Осинового Кола! – гласила новая, склеенная из разнокалиберных букв, записка. – Со-

кращённо, как ты уже мог догадаться, старый-добрый СКОК.

Как лихо я всё провернул! Вампир работает среди охотников на вампиров. Кто бы мог подумать!.. Всех нас ждёт ещё много сюрпризов. Но это будет позже. А пока – не смею больше задерживать – приятного чтения!»

Свежая запись из дневника Светы отличалась от других. Почерк, без сомнения, принадлежал ей, но прежде аккуратные, каллиграфически выведенные строчки – буква к букве – сейчас заметно приплясывали. Так, как будто рука девочки дрожала. То ли в спешке, то ли на эмоциях.

«Уже два часа ночи, но я не сплю. Ох и натерпелась я сегодня!»

Он, конечно, замечательный. Взрослый, умный, сдержанный, рассудительный. И руки у него нежные, такие горячие... Но права была Нинка, когда говорила, что парням нельзя верить.

За ту неделю, что мы встречались с Антоном, я позабыла обо всём на свете. Я больше не скучала по дому. Мне больше не хотелось туда. Никуда больше не хотелось, только быть с ним рядом, до окончания моих дней, а может и дольше. По улицам плыла летняя жара, и я плыла вместе с ней – по уши пьяная от чувств.

На первом свидании он отвёл меня в парк рядом с институтом. Там мы долго гуляли по аллеям, а потом сидели на скамейке и говорили. Вернее, говорила в основном я, а Антон был как всегда немногословен. И вместе с тем, я чувство-

вала, что он слушает меня очень внимательно. Только под конец нашей встречи, когда уже начало темнеть, он обмолвился парой слов о себе. Оказывается, он – как и я раньше – живёт в небольшой деревеньке. Названия он не сказал, просто упомянул, что она находится в получасе езды от Сталинграда. Ещё он поделился, что всю жизнь мечтал стать хирургом и долго и усердно готовился, чтобы поступить в Сталинградский мединститут. Преподаватели его уважают за трудолюбие, особенно декан – суровая Зинаида Михайловна, гроза всех двоечников. Даже ставит его в пример другим студентам. И пророчит большое будущее в медицине.

На прощанье он спросил меня, кем я хочу стать, но я так растерялась от этого вопроса, что смогла только пожать плечами. Тогда он улыбнулся – в первый раз за всю прогулку – и поцеловал меня в щёку. В следующую секунду он уже стоял на подножке поезда, а я махала ему рукой. Моё лицо горело, в груди жгло, ресницы дрожали. Прижав ладонь к щеке, я ещё долго стояла на станции, даже когда поезд скрылся из вида, и все пассажиры уже разошлись.

Через день мы встретились снова и на этот раз пошли гулять по городу. Я показала ему мой дом, школу, фабрику, где работает мама. Всю прогулку он держал меня за руку, и я чувствовала себя такой гордой. Ещё бы, я иду за ручку не со школьником каким-нибудь, а с взрослым, красивым, статным парнем. С лучшим студентом мединститута, между прочим! Ох, как кружилась моя головушка!

А в это воскресенье мы устроили посиделки в лесу вчетвером – Нинка, Златовласка, Антон и я. Тогда-то я и узнала, что Златовласка учится с Антоном на одном курсе, и его на самом деле зовут Леонидом. Лёня был твёрдым троечником и главной мишенью для издёвок Зинаиды Михайловны, но его, похоже, это ничуть не тревожило. Он был компанейским парнем и, несмотря на экзамен, который ждал ребят на следующий день, весь вечер играл нам на гитаре и пел. Нинка была без ума от его пения, а я, как всегда, от Антона. Сидя сзади, он обнимал меня со спины, и я таяла в его объятиях. Когда стемнело, мы разожгли костёр. Он накинул мне на плечи свой свитер и снова поцеловал – уже по-настоящему. Горячий мёд растекался по моему телу. Какой же он спокойный, надёжный, нежный...

Потом был экзамен. А на следующий день – ещё один. Антон, разумеется, сдал оба предмета на «отлично». Лёня выпросил «тройки», чему сам же очень обрадовался. У студентов наступили каникулы.

– Ну, вот и всё, – сказал Антон, прижимая меня к себе на станции. – Учебный год закончен. Теперь, наконец, можно позволить себе подумать о чём-то ещё кроме учёбы.

Я не сразу поняла, что именно он имеет в виду, ведь пока мы встречались, сама я не могла думать ни о чём, кроме него. Ничего другого в мою голову просто не поместилось бы.

– Поехали завтра купаться на речку. Я знаю одно тихое место. Там никого обычно нет и вода чистая-чистая.

Он ещё спрашивает. «С тобой – хоть на край света!» – подумала я, но в ответ только улыбнулась и кивнула.

Я ещё не догадывалась тогда, даже подумать не могла, что произойдёт там между нами...»

Дальше текст не читался – на добрую четверть страницы растеклось причудливое чернильное пятно. Отличница Света Василькова поставила кляксу? Или даже опрокинула чернильницу? А был ли там, в этом месте, вообще какой-то текст?

Ну и ну. Бедняжка. Запугал же её этот парень.

Я перевернул страницу.

«Резкой болью отозвались во мне на этот раз его объятия...

Вода была такая непривычно холодная. Окунувшись в реку с головой, я смывала с себя кровь и стыд. Только на светлой юбочке, оставшейся в руках у Антона, всё равно горело алое пятно. Сидя на берегу, он наблюдал за мной издалека, не скрывая, что любовался.

Спокойный, как и всегда. Я плакала от страха, а он целовал меня и говорил, что всё будет хорошо. Что так всегда бывает, и крови бояться не нужно. Что он врач, и знает, что делает. Его голос был непривычно низким, едва узнаваемым, и я дрожала всю дорогу до дома. До Нинкиного дома, потому что к себе домой я бы в таком виде заявиться не решилась – вся зарёванная, взъерошенная, да ещё и эта юбка...

– Ох, милая моя, – с порога протянула Нинка, окинув ме-

ня взглядом. Мне не пришлось ничего объяснять ей, она, к счастью, всё поняла без слов.

– Я... – мои губы задрожали. – Мы...

– Снимай, – решительно перебила меня Нинка. – На, на-день пока мою, а эту я сейчас застираю. Мамка сегодня де-журит в ночную смену. До утра высохнет, будет как новень-кая. Потом поменяемся обратно. Ну, Светка, что ты как ма-ленькая. Не реви, а!..

– Мы ведь ещё... увидимся с ним? – всхлипнула я. – Мне кажется, я его напугала...

– Вот дурочка! – Нинка, смеясь, похлопала меня по пле-чу. – А я-то думаю, что ты ревёшь так. Ну конечно увиди-тись. Куда он от тебя денется. Кота сметаной не напугать.

– А вы с Лёней...? – я не договорила, а Нинка уже махнула рукой, перебив:

– Ой, да давно уже! А ты думала, одна такая?.. Ну всё, золотце, хватит рыдать. А то завтра круги под глазами будут – тогда точно своего напугаешь!

Я улыбнулась ей в ответ сквозь слёзы. Умеет она поддер-жать. Вот что значит настоящая подруга.

И всё же, несмотря на её добрые слова, мне до сих пор страшно. Кажется, я что-то сделала не так. Он ведь даже ни-чего не сказал мне на прощанье.

Он обиделся? Расстроился? Когда мы теперь увидимся? Где мне в каникулы его искать?

Что теперь с нами будет?..

18 июня 1941 г.

Сталинград».

Оторвавшись от записи, я размял затёкшую спину и сквозь полумрак комнаты взглянул на настенные часы. На циферблате мерцало 0:00. Зачитавшись очередной историей, я так увлёкся, что не заметил, как вечер превратился в ночь. Даже позабыл про остывший чай.

Всё же, вопреки моим подозрениям, этот дневник – не подделка. Теперь я мог сказать точно. Мой хищник не будет врать, нюх у него стопроцентный. Я чувствовал, как скулы напрягаются, из дёсен выходят клыки, а напряжённые пальцы против моей воли мнут пожелтевшую бумагу и подносят её к носу.

Сквозь пыль времён до моих ноздрей донёсся едва ощутимый запах крови. Гораздо более отчётливый, чем могло бы показаться. Какой-то слишком уж реальный, будто и не прошло этих долгих восьмидесяти лет с тех пор.

Закрыв глаза, я коснулся краешка листа языком и глубоко втянул в себя воздух.

Головокружительно, сладко, опьяняюще. Ароматнее, чем выдержанные годами вино, сыр и чай, вместе взятые. Будь эта девочка жива, я бы сейчас сделал с ней нечто гораздо более страшное, чем этот её горе-ухажёр...

Очнулся я только когда почувствовал край шершавой бумаги у себя во рту – крепко зажатый между клыками. Ну,

это уже слишком! Расправив и без того многое повидавшие листы, я убрал их обратно в бордовый конверт, а сам конверт поставил на книжную полку, рядом с тремя его предшественниками. Поёжился, будто от сквозняка, и выключил настольную лампу.

* * *

Пасмурный летний день. Похоже, часа четыре. Небо затянуто серой пеленой, и в воздухе пахнет чем-то тревожным. Грозой или даже ураганом.

Я стою на крыше своего дома. Отсюда открывается вид на весь город. Вся Москва как на ладони: острымые здание МГУ, стеклянная Москва-Сити, теряющаяся в облаках Останкинская башня. Колесо обозрения – такое мелкое отсюда, как игрушечное. Несколько высоких новостроек на переднем плане. Утопающий в серой дымке, качающийся лес.

А вот вниз лучше не смотреть. Сильный ветер едва не сбивает меня с ног. От высоты кружится голова, и я инстинктивно отступаю назад.

Зачем я вообще сюда забрался?! Надо бы, пока не поздно, спуститься с крыши в свою уютную квартирку и укрыться там от непогоды. Но как бы не так. Дверь, ведущая вниз, на чердак, оказывается заперта. Дёргаю её несколько раз на себя

и слышу за спиной довольный смех.

– Ну конечно, – бросаю я через плечо. – Опять ты. Прости, сразу не признал твой почерк. Дай мне, пожалуйста, ключ.

Моя гостья молчит. Или, может быть, это я на самом деле её гость?..

Я оборачиваюсь. Её длинное кожаное пальто, расстёгнутое нараспашку, безжалостно треплет бушующий ветер. А ей самой будто бы всё равно – раскинула руки в стороны, подняла лицо к небу и, едко хихикая, кайфует от непогоды.

– Отопри дверь, – повторяю я. – Я замёрз. А сама можешь и дальше стоять тут, сколько тебе заблагорассудится.

Она опускает голову и смотрит на меня исподлобья. Хотя, смотрит – это слишком громко сказано. У неё, как и у людей из моего предыдущего кошмара, тоже нет черт лица. Будто бледный манекен – без глаз, ресниц, бровей, ушей, носа... Только искривлённые в ухмылке ярко-алые губы, и больше ничего.

– Ты похожа на чеширскую кошку, – брякаю я. – Как там было, в «Алисе»...

– Да и ты, знаешь ли, не красавец, – фыркает леди. Она достаёт круглое карманное зеркальце и направляет на меня. Но я не смотрю туда, я всё ещё заморожен её губами, и меня так и подмывает перефразировать Кэрролла:

– Я часто видел женщин без улыбки, а вот чтобы улыбку без женщины – такое со мной впервые...

– А на тебе даже улыбки нет, – она смотрит в зеркало сама

и задумчиво добавляет. – Хм, и правда, странно, почему же ты не отражаешься?..

– Ну наконец-то ты заметила, что со мной что-то не так! – поспешно воскликнул я. – Я неспроста не отражаюсь в зеркалах. И ты меня так легко не убьёшь! Потому что я не человек...

– А кто же?

Её вопрос остаётся неотвеченным – меня перебивает порыв ветра, от которого мне снова едва удаётся устоять на ногах. Небо вдали мрачнеет. Похоже, времени мало.

– Времени нет, – поправляет она, прочитав мои мысли, и резко захлопывает зеркальце. – Уже началось.

Вдали, на горизонте, появляются чёрно-серые воронки, нечто вроде смерчей или торнадо. Они будто растут из земли и уходят высоко-высоко в небо. Эти вихри повсюду – и на юге, и на западе, и на севере.

Вид надвигающейся со всех сторон катастрофы отзывается внутри меня невыносимым чувством обречённости. Всё, к чему привыкли мои глаза, рушится, крошится и идёт по ветру. Хочется удержать этот процесс, но что я один могу сделать против могущественной стихии? Остаётся только смотреть и готовиться, что совсем скоро я буду последним штрихом в этой череде разрушений.

– Ни на земле, ни на небе тебе не скрыться, – её голос теряется в вое ветра.

– Ты это уже когда-то говорила... – шепчу я пересохшими

губами.

Смерчи надвигаются прямо на мой дом. Быстро приближаясь, они сносят всё на своём пути. Крушат здания, уничтожают в пыль знакомый вид, который я уже много лет видел из окна. А ведь там, в этих разрушенных домах, тоже живут люди. Вернее, жили ещё пару минут назад, а теперь – мертвы. И я, так же, как и они, не спасусь. Мне некуда бежать. Смерть неизбежна, она повсюду...

– Вот теперь ты готов, – словно издеваясь, девушка протягивает мне ключ от двери чердака.

Её жест порождает в моей душе новую волну паники. А вдруг я всё ещё могу скрыться?! Дрожащими пальцами я хватаю ключ и пытаюсь попасть им в скважину.

Замок поддаётся не сразу. Я успеваю весь покрыться холодным потом, чувствуя, как ветер толкает меня в спину. Наконец, «собачка» щёлкает, и дверь распахивается.

Задыхаясь, я бегу по ступеням вниз. Душные лестничные пролёты кажутся бесконечными. Сколько же здесь этажей? Я с трудом вспоминаю. Десять? Двадцать? Тридцать? Такое ощущение, что все сто! И каждый этаж похож на предыдущий как две капли воды, но ни один из них не похож на мой. Лабиринт Минотавра какой-то, а не лестница.

«Не успеешь, не успеешь, не успеешь», – стучит в висках.

Оборачиваясь на ходу, я замечаю, что всё это время за моей спиной бежит, распускаясь, красная нить, выходящая из моего левого запястья. Извиваясь, она ложится на ступе-

ни, оставляя на них кровавый след. Ну конечно. Как я мог забыть про свой «поводок». По этому следу Минотавр в юбке легко меня найдёт, где бы я ни был.

Наконец, вот она – цифра 13 на лестничной площадке, а чуть дальше и моя квартира. Дёргаю ручку. Открыто. Удивительно.

Оказавшись внутри, я запираюсь на все замки. В квартире холодно и гуляет ветер. Точно, я ведь оставил на ночь открытым окно! По совету Кати, между прочим, будь она неладна.

Сражаясь со стихией, я теперь пытаюсь его закрыть. Давлю что есть сил на раму, а ураган выталкивает её снаружи обратно в комнату. Наконец, щёлкает оконная ручка, и замок закрывается. Но едва ли это поможет надолго.

Смерчи уже совсем близко. Они идут за мной. А по дороге безжалостно крушат Москву. Окна дрожат под напором ветра. Пол тоже вибрирует, сотрясается – будто от шагов невидимого великана. С нечеловеческим воем вихри набрасываются на мой дом как голодные волки.

Стёкла лопаются и вылетают под напором урагана. А следом за ними трескаются и обваливаются стены. Я падаю, прикрыв голову руками, и зажмуриваюсь от страха. Мне, похоже, больше ничего не остаётся.

Потолок обрушивается на пол и сплющивает моё тело. В лёгкие проникает, не давая вскрикнуть, едкая бетонная пыль. А может быть, это я сам становлюсь пылью...

Скрежет, грохот, треск, хруст костей, стоны сумасшедше-

го ветра. Всё разрушено. Мой мир, мой город, мой дом. И я сам. Пыль оседает. Я лежу под руинами рухнувших надежд и даже не пытаюсь выкарабкаться. Страшно, больно, темно...

И вдруг, подобно солнцу после беспроглядной бури, в моей груди вспыхивает кристалл. Потихоньку, по мельчайшим частицам, он начинает вновь собирать меня. А потом стены моего дома. Уничтоженный город. Мир.

Когда я открыл глаза, всё было уже на своих местах. Даже моя кровать стояла там же, где и вчера вечером, когда я ложился спать.

Я ещё долго лежал на спине, глядя в потолок, и не мог пошевелиться. Во-первых, от чудовищной парализующей боли во всём теле. А во-вторых, чисто физически – от множественных переломов. Первое время я даже не мог дышать из-за сломанных рёбер, но потом грудная клетка – неестественно расплюснутая – стала сама собой подниматься и возвращать свою обычную форму.

Мне оставалось только уговаривать себя мысленно не паниковать. Лежать спокойно. Терпеливо ждать, пока и остальные мои кости вправятся и срастутся. Я, конечно, догадывался, что мой кристалл и не на такое способен, но всё же это были самые мучительные несколько минут в моей жизни.

Последний открытый перелом – на предплечье – я вправил себе уже сам, направляясь в ванную. Обломки костей послушно хрустнули, скрылись под мышцами и моментально срослись. Стоя перед зеркалом, я пошевелил пальцами под-

нятых в воздух рук, покрутил шейей, ощупал голову. Всё на месте. Я как новенький – будто бы и не было этого падения и долгого заточения в руинах многоэтажного дома.

Однако, должен признать, эта дамочка из кошмаров не так проста, как кажется. Сегодня меня проняло на десять из десяти.

Глава 10. Странный пациент

Хотелось крови. Просто жутко.

Днём ещё было терпимо, но вечером, по дороге домой из СКОКа, сидя в тёмном отсеке «бобика», я буквально бредил тем самым пакетом донорской крови из отделения гематологии московской больницы. В принципе, этот рабочий день прошёл неплохо, если не считать одного неприятного приключения.

С самого утра моё тело, похоже, пыталось «сублимировать» сверхъестественную жажду в голод обыкновенный. Может быть, ему и правда требовались ресурсы для пополнения тех запасов, за счёт которых прошло моё экстренное восстановление.

Ещё и работа никак не ладилась: почему-то сервер, к которому пыталась подключиться программа, продолжал выдавать ошибки в ответ на её запросы. Я перепроверил и код, и протоколы, и стабильность подключения – всё было исправно. Связь устанавливалась, пароль сервер принимал, но потом начинались необъяснимые странности. Некоторое время данные передавались нормально, а затем сервер вдруг безо всякой причины переставал выполнять запросы так, как он по всем правилам должен был это делать. Наверное, в описаниях протоколов и схем взаимодействия, которые нам пе-

редал заказчик, закралась какая-то ошибка. Если так, то без общения с ребятами с «той стороны» эту проблему не решить. Вздохнув, я решил сперва ещё раз всё перепроверить. Неудобно беспокоить людей зря – вдруг косяк всё-таки наш.

Но разве можно проделать такую работу качественно на голодный желудок?.. Я еле-еле дождался обеденного времени: под ложечкой сосало, мысли путались, я совсем не мог сосредоточиться и то и дело посматривал на часы.

В прошлый раз в столовую меня отвел Михаил, строго-настрого наказав запоминать путь. Вроде бы ничего особенного – дойти до столовой, но подвальные коридоры нашей «котельной», как я прозвал про себя эти катакомбы за обилие тянувшихся под потолком труб, были так похожи один на другой, что легко могли сойти за настоящий лабиринт. У меня, впрочем, всегда было очень хорошее чувство направления, так что вчера я нисколько не сомневался, что, пройдя с Михаилом туда и обратно, на следующий день смогу найти дорогу даже с закрытыми глазами.

К тому же, здорово помогал запах – из столовой ощутимо тянуло котлетами и почему-то какао. Впрочем, почему какао, выяснилось сразу же на месте – у них и правда стояли на отдельном столе огромные алюминиевые чайники, как в старые-добрые советские времена. Блюда в меню, надо сказать, тоже были под стать этому архаизму. Зато недорогие – так что я набрал себе сразу всего и много.

В общем, насладились мы вчера с Михаилом ностальги-

ческим обедом на славу. В дальнейшем, однако, он составлять мне компанию отказался и, сославшись на занятость, проинструктировал на следующий день искать дорогу самостоятельно, строго при этом соблюдая установленные обеденные часы. У них, сказал, с этим всё очень серьёзно, могут за нарушение трудовой дисциплины даже очень ценного и эффективного работника уволить – уже были случаи. Меня-то, конечно, они уволить не могут, я человек, если можно так выразиться, сторонний – но с конторой нашей прекратить сотрудничество могут запросто, а мне лишние проблемы сейчас совсем ни к чему. Так что я спокойно жевал да кивал: в час – значит в час, какие вопросы.

И вот сегодня, едва дождавшись назначенного времени, я нетерпеливо рванул по коридорам вперед, к сладкому какао – и, представьте себе, заблудился.

Ума не приложу, в какой момент я свернул не туда. Видимо, моя самоуверенность сыграла со мной злую шутку. очередного поворота просто не оказалось там, где он, по моим подсчётам, должен был быть. Оглядевшись, я понял, что уже и трубы на потолке, и стены, и пол тоже какие-то не такие. Что было делать? Я потянулся за телефоном, но вспомнил, что оставил его по недвусмысленной рекомендации Михаила в заветном ящичке.

Единственное, что мне оставалось в сложившейся ситуации – побродить взад-вперёд по коридорам в надежде, что либо чутьё выведет-таки меня к месту назначения, либо мне

встретится кто-то, кто не побрезгует поговорить с заблудившимся коллегой и покажет ему дорогу. Так я и сделал. Мои блуждания вывели меня в какое-то странное полутёмное ответвление с рядом необычных дверей, в каждой из которых было проделано маленькое зарешечённое окошко, а сверху красовалась табличка «внимание» с небольшой красной лампой. Что-то похожее я видел в поликлинике – над кабинетом врача во время приёма загоралось информационное табло – только там было написано «не входить» или что-то в этом роде.

Несколько минут я с интересом рассматривал загадочные двери под унылое потрескивание неисправной лампы дневного света на потолке. Решил уже было, что тут мне ничего не светит, как вдруг услышал гулкий и бодрый стук чьих-то сапог по коридору, радостно обернулся на звук – и мой взгляд упёрся в пару наставленных на меня автоматных стволов.

– Руки за голову! К стене! Медленно, медленно! Без резких движений!

Двое суровых охранников в камуфляже и бронежилетах явно не собирались шутить. У меня аж руки похолодели. Я медленно – как и было велено – подчинился.

– Кто вы такой и что здесь делаете? Посторонним сюда нельзя!

Я начал лепетать что-то про нового сотрудника и потерянную дорогу к столовой и, кажется, уже почти успокоил их,

как вдруг лампа над одной из дверей с резким, пронзительным звуком загорелась и замигала вместе с надписью «внимание».

– Вот чёрт! – выругался один из охранников. – На пол, дуралей! Быстро! Лежать! Руки за голову, по сторонам не смотреть!

Я снова подчинился, на сей раз уже менее охотно. Что они себе позволяют вообще? Прижавшись к грязному кафельному полу, я тайком покосился на дверь – отчасти из чувства протеста, но больше из любопытства.

Дверь открылась, и вышли ещё двое охранников, только вместо автоматов они были вооружены какими-то странными устройствами, походившими на гибрид дубинки и электрошокера, со странной крестообразной ручкой. Охрана переглянулась между собой, и один из них кивнул в мою сторону:

– А это что ещё за чудик?

– Да вот, новый сотрудник, программист. Говорит, мать его, по пути в столовую, заблудился.

– Заблудился он, мля. Ладно, нехай полежит. Сейчас мы зубастого отконвоируем, а потом уже этого перца отведёте. И Мише скажите, пусть вставит ему под первое число, чтобы не блудил больше.

Охранники заржали. Тот, что обозвал меня чудиком, вытащил из-за пояса рацию:

– База, база, я Конвой-1. Перемещаем объект «Б-4» в цен-

тральную. Всем постам, повышенная готовность до особого распоряжения, – вернув рацию на место, он заглянул в открытую дверь. – Всё чисто, профессоры. Пошли, выводите.

Боец отошел от двери на пару шагов, держа «дубинку» наготове. Его напарник занял место с противоположной стороны от двери. Я невольно напрягся. Какое-то странное, тягостное чувство появилось у меня внутри. Кристалл как-то неровно замерцал, запульсировал, забился – будто в такт потрескивающей на потолке неисправной лампе.

Заинтригованный, я таращился на дверь. Из помещения вышли трое. Двое научных сотрудников – или докторов? – в белых халатах придерживали за плечи пациента, одетого в смирительную рубашку. Один из них катил по полу большую капельницу на колесиках. Кажется, не только капельницу – вместе с пакетом лекарства на «вешалку» было прицеплено несколько электронных приборов, переливавшихся зелёными светодиодами. К «больному» тянулась трубка с раствором и несколько проводов. Присмотревшись, я увидел, что, помимо смирительной рубашки, его тело в нескольких местах было стянуто тугими кожаными ремнями.

– Давай, пошёл, – вполголоса скомандовал один из докторов, легонько подтолкнув его в спину. Тот сделал несколько неровных шагов, вышел из помещения и мутным взором обвел коридор. Взгляд его затуманенных глаз остановился прямо на мне. Внезапно выражение его лица изменилось, стало абсолютно осознанным, и мне показалось, что он загля-

нул мне в самую душу. Мой кристалл пуще прежнего заискрился, заметался, запульсировал. Странный пациент сощурил глаза и ухмыльнулся – и, готов, поклясться – я заметил громадные клыки у него во рту!

Приборы на «капельнице» вдруг запищали и замигали красными огоньками.

– Ого! Серёж, давай-ка ему ещё дозу!

Парень в белом халате, державший капельницу, быстро нажал на какую-то кнопку. Что-то зашипело, забулькало, в пакете с лекарством побежали пузырьки. Взгляд человека в смирительной рубашке снова потускнел, оскал пропал, плечи обвисли. Второй доктор снова легонько подтолкнул его и странная процессия – два охранника, два человека в белых халатах и их пленник двинулись по коридору в нашу сторону, прошли мимо и скрылись за одним из поворотов.

Только через пару минут после того, как они ушли, мне разрешили встать.

– Помалкивай о том, что ты здесь видел, понял, орёл? – рыкнул на меня один из них.

Я молча кивнул. Также, в молчании, они проводили меня в столовую. Я помыл руки и, как мог, оттер мокрыми ладонями грязь с перепачканного костюма.

Пронизывающий взгляд таинственного пленника всё никак не шёл у меня из головы. Каждый раз, как я вспоминал о нём, кристалл внутри отзывался тревожным мерцанием. Мой аппетит куда-то улетучился. Уже безо всякого настрое-

ния я поел и вернулся к работе – к счастью, обратную дорогу я нашел легко.

Остаток дня прошел без происшествий. Если не считать, конечно, того, что мне так и не удалось решить проблему с подключением. Где-то за полчаса до конца рабочего дня ко мне заглянул Михаил.

Я не мог не завести разговор о странном дневном происшествии. Да, мне сказали помалкивать, но не перед Михаилом же? Уж больно мне хотелось посмотреть, как он будет вертеть хвостом, объясняя, какого чёрта здесь творится.

– Слушай, да не парься ты. Мы тебя попозже просветим, когда притрёшься тут немного, ну да и мы к тебе присмотримся. А сейчас просто выбрось из головы. Давай лучше о деле. Тебе удалось найти ошибку?

Нельзя сказать, чтобы его ответ хоть сколько-нибудь меня устроил, скорее даже наоборот. Но сил спорить к тому времени уже не оставалось. Я рассказал ему о том, как весь день безуспешно провоевал с капризным сервером. Михаил нахмурился:

– Так, подожди, – сказал он мне и куда-то удалился.

Вскоре он вернулся с толстой папкой в руках. На папку прозрачным скотчем была приклеена полоска бумаги с печатной надписью «СЕКРЕТНО»:

– Вот, держи. Техническая документация на смоленскую базу данных. Коды доступа, протоколы, пароли – все эти ваши компьютерные заморочки.

– Так ведь... – я указал рукой на компьютер, – у меня всё тут есть.

– На бумаге оно вернее как-то. Здесь каждый листик проверен и заверен, понял? Изучи завтра. А сейчас поезжай-ка ты домой, голубчик, отдохни. А то что-то неважно выглядишь...

Хохотнув, он хлопнул меня по спине и был таков. А я же, тяжело выдохнув, раскрыл увесистую папку и первым, что выпало из неё прямо ко мне в руки, был... бордовый конверт!

Уф, что-то эти письма зачастили. Как и кошмары. Возможно даже, между ними есть какая-то связь, но какая именно?..

Ответа на этот вопрос у меня пока не было, и поэтому я решил сегодня вечером не вскрывать конверт. Тогда, возможно, мне этой ночью представится шанс хотя бы разок отоспаться.

* * *

– Здравствуйте. Это отделение гематологии? Могу я поговорить со Стеллой Вернер?

Даже не знаю, как я решился на этот шаг. А главное – на что я надеялся. Вечером дома мне определённо было нечем

заняться, и образовавшаяся в этой пустоте тревога заставила меня крутиться и искать ответы на бесчисленные вопросы, роящиеся в голове.

Взглянув на часы, я одёрнул себя. Ну, конечно, о чём это я. Идея довольно глупая. Девятнадцать тридцать. Наверняка её уже просто нет на рабочем месте.

– Слушаю.

От знакомого ледяного голоса, внезапно раздавшегося из трубки, по моей спине прошёл холодок.

– Это Григорий Волков, – выдохнул я, поёжившись от мурашек.

– А, Волков. Одумался, – с издёвкой прошипела гематолог. – Должна тебя огорчить. Крови ты больше не получишь.

– Очень жаль. Она бы мне сейчас не помешала. Но я не за этим звоню, мне нужна ваша помощь. Понимаете, я только недавно стал таким, какой я есть, и понятия не имею, что теперь делать. Я хочу как-то вернуться обратно, в свою человеческую жизнь. Или, если лекарства от этого нет, то, на крайний случай, хочу научиться жить с этим. Не знаю... Я ничего не понимаю и сам себя не узнаю, меня пугают изменения, которые происходят с моим организмом. Этот кристалл, эти клыки, эта подступающая к горлу жажда...

– Ничем помочь не могу, – отрезала доктор. – Закон джунглей помнишь? Каждый сам за себя. Удачи. Не болей.

– Подождите! – поспешно воскликнул я, но было уже поздно. В трубке пропищали короткие гудки, и вызов завер-

шился.

Покрутив мобильный в руках минуту или две, я снова кликнул на телефон больницы. Я же в недавнем прошлом диабетик, мне не впервой пробиваться таким образом к врачам. Помните эндокринолога? Он ведь тоже быстро сдался под натиском моих звонков.

– Стелла, вы меня не дослушали...

– Волков, у меня, как ты мог бы догадаться, полно работы и нет времени слушать всяких упырей. В моей помощи нуждаются живые люди – те, кто может выздороветь. Так что, будь добр, изыди прочь и прекрати обрывать телефон.

– Извините, но вы, похоже, единственная, кто... верит в меня, понимаете?.. Кажется, вы даже знаете обо мне больше, чем я сам. Мне позарез нужно с вами поговорить. Проконсультируйте меня как врач, пожалуйста!

– Нет!

– Ну почему?!

– Я принимаю только с направлением от лечащей организации по форме 057, – заученным голосом отчеканила она. Издевается, не иначе как. Но и я тоже за словом в карман не полез:

– Тогда я запишусь к вам на платную консультацию! И вам придётся меня принять!

По её отдалённому ругательству я понял, что она снова готовится бросить трубку, поэтому торопливо проговорил:

– А ещё мне снятся очень странные сны!

– Сны?.. А ну-ка поподробнее.

Опа, заинтересовалась. Подстёгнутый её любопытством, я выпалил:

– Я связан с кем-то красной нитью!

– Не может быть... – растерянно пробормотала она и тут же ошарашила меня внезапным. – Через час в Горьковском парке, успеешь?

Глава 11. Мастер-класс для чайников

Несмотря на довольно поздний час, в парке всё ещё было много людей. Я примчался в назначенное место аж на полчаса раньше и теперь, сев на лавочку, изучал глазами прохожих.

Кого я тут только не встретил. Дети всех возрастов, старики, влюблённые парочки, компании студентов, спортсмены. Думаю, виной тому – прекрасная погода. Несмотря на то, что с утра было прохладно и шёл дождь, к вечеру небо всё же прояснилось, облака разошлись, и даже солнце решило немного погреть нас в этот последний часок перед закатом. Кажется, солнцу были рады все, кроме меня. Нацепив на нос тёмные очки, я барабанил пальцами по стеклянной бутылочке гранатового сока, который смеха ради купил в палатке неподалёку, и нетерпеливо елозил по скамейке. Даже не знаю, чего я ждал больше – заката или появления Стеллы.

Впрочем, в отличие от заката, врач долго ждать себя не заставила. Ровно в половину девятого я различил на другом конце аллеи знакомый стройный силуэт с узкой, буквально осиной талией. И хотя на этот раз она была уже не в белом медицинском халате, а в чёрном брючном костюме, я без

труда её узнал. Больше того, я узнал её даже раньше, чем смог разглядеть – по строгому цоканью высоченных каблучков об асфальт.

Она снова была в перчатках. Правда, на этот раз в менее официальных – коротких, едва прикрывающих запястье, с оборками из чёрного кружева на манжетах. Кружевом был украшен и её зонт от солнца – разумеется, тоже чёрный как смоль.

С её появлением в столь готичном образе, аллея, залитая солнцем, будто бы тоже погрузилась во мрак – ещё до заката – и я вздохнул с облегчением.

– Привет, – я снял очки. – Спасибо, что в чёрном.

Стелла кивнула в ответ и сложила свой зонт. Сев на скамейку рядом со мной, покосилась на мой сок и искривила губы в ухмылке:

– Анемию, значит, лечишь.

– А то! – я хмыкнул в ответ. – Но вашим назначениям я, между прочим, тоже последовал – купил гематоген. Остальных лекарств, правда, в аптеке почему-то не нашлось. Даже не знаю, с чего бы это.

Доктор равнодушно повела плечом:

– Не было времени составлять схему лечения. Кстати, раз уж мы помянули прошлое. Ты забыл у меня свой боевой снаряд, – она расстегнула сумочку и извлекла оттуда мою футболку – только уже не смятую в ком, а аккуратно сложенную и убранныю в прозрачный канцелярский файл – и протянула

мне, брезгливо держа пакет за угол, как вещдок.

– Точно. Спасибо.

Наши руки встретились. Я слегка дотронулся до кончиков её пальцев, вернее, только плотной перчатки, но и от этого почти неосязаемого прикосновения она отшатнулась, отдернув руку как от огня.

Я покосился на неё с удивлением. Подумать только, как она, оказывается, боится прикосновений. И эти перчатки – даже летом... Может, у неё фобия какая-то?..

– Рассказывай, – врач не оставила мне времени для долгих раздумий. – У тебя полчаса.

Всем своим видом она демонстрировала, что не планирует тратить на меня ни минутой больше, поэтому выбирать слова не приходилось:

– Я вампир, – выпалил я прямо. – Или, как вы там сказали, упырь. Вурдалак, монстр, демон...

– Ну-ну, не льсти себе, – осадила меня Стелла. – Ближе к делу.

– Позавчера я выпил залпом пять литров донорской крови...

– Ого, не боишься растолстеть?

– Это был, так сказать, мой первый опыт. Я до сих пор под впечатлением.

– Надеюсь, не из нашей больницы кровь?

– Нет, не переживайте. Один знакомый угостил.

– Повезло тебе со связями.

– В чём-то же мне должно было повезти... – пробормотал я себе под нос.

– У тебя есть кристалл, но ты стал вампиром недавно, – тем временем резюмировала Вернер. – Значит, ты нечистокровка. Всё понятно.

– Хотя бы кому-то всё понятно, – буркнул я.

– Когда тебя создали и где? – с напором спросила врач. – В Смоленске или в Москве?

– В Киеве, – ляпнул я. Я хотел ещё добавить, что это было двадцать пять лет назад, но она меня перебила строгим:

– Не ври. В Украине лаборатории нет.

– А причём здесь лаборатория? – я совсем запутался и, кажется, начинал запутывать Стеллу.

– Как вообще ты умудрился оттуда сбежать? – в её глазах читалось недоумение.

– Откуда?! – взвыл я.

Мы явно друг друга не понимали. Стелла внимательно изучала меня, скользила взглядом по лицу, шее, потом по напряжённым рукам, лежащим на коленях.

– Так, ладно. Давай ещё раз с самого начала. Как ты стал вампиром?

– Меня укусили.

– Да ну? – фыркнула она. – Не верю.

– Я не вру, а тем более докторам.

– На дворе двадцать первый век, – любезно напомнила мне Стелла. – Кровь сейчас любой вампир может легко до-

быть из больницы. Кстати, как это недавно сделал твой друг, а до этого пытался сделать ты. Ведь даже ты, нечистокровка, не пошёл на улицу кусать людей. Ты додумался притащиться к нам в больницу, чтобы воровать кровь. Тоже мне, нашёл себе бесплатную столовую...

– Нет! – воскликнул я обиженно и зачастил дальше на едином дыхании. – В больницу я пришёл вовсе не за кровью. И ни одного пакета не своровал оттуда за две недели, честное слово! Меня правда укусили, поднялась температура... Я не знал, что с этим делать. Куда идти, кого спрашивать. Это какая-то нелепая, роковая случайность. Мне показалось, что он вполне нормальный парень, а потом я вдруг порезался и... Как вы это называете, синдром хищника?

– Вампиры, а тем более чистокровные, прекрасно знают, как его контролировать, – доктор была непреклонна.

Не знаю, сколько бы мы ещё так проспорили, если бы в этот момент не случилось непредвиденного. Молодой мальчишка – старший школьник или студент – со свистом проехал мимо нас на роликах на огромной скорости. Он появился так резко, что Стелла осеклась от неожиданности, а я даже вздрогнул. Притихнув, мы теперь вместе наблюдали, как он быстро-быстро удаляется от нас вдоль по асфальтовой дорожке в глубину парка, а следом за ним – ещё двое его друзей.

И вдруг что-то пошло не так. То ли мальчишка, выпендриваясь перед приятелями, развил уж слишком большую ско-

рость, то ли ему под колёса попало какое-то препятствие – в общем, он упал. Проехался по дороге и, кажется, рассёк коленку.

Да, точно. Этот запах ни с чем не спутать! Металлический, дурманящий, оцепеняющий...

Весь наш бесполезный диалог стал враз мне неинтересен. Мои скулы напряглись, а следом за ними и всё тело. Всё вокруг потускнело и стало чёрно-белым. Вместо реальности мне снова показывали старое серое кино. Только одно-единственное пятно крови, там, вдалеке, на асфальте, по-прежнему оставалось ярко-красным и приковывало к себе всё внимание.

– Волков, очнись, – Стелла пару раз щёлкнула пальцами перед моим лицом, но звуки заглушились, словно я нырнул под воду. Я больше ничего не слышал, кроме биения пульса, и это был вовсе не мой пульс, а его – того парня, который, держась за разбитое колено, тщетно пытался встать с асфальта.

Будто акула, почуявшая кровь, за доли секунды я сгруппировался, отрастил клыки и, вскочив со скамейки, кинулся к жертве. Я видел со стороны, как моё тело развило какую-то сумасшедшую скорость, в разы превышающую ту, с которой проехал мимо нас этот злосчастный гонщик-роллер.

Когда я был в одном шаге от своей цели, Вернер неожиданно догнала меня и, схватив за плечо, грубо развернула к себе. Она была такая же чёрно-белая, как и всё остальное, и

черты её лица размывались. Кажется, её губы двигались, но слов я разобрать не мог. Серый туман, разлившийся вокруг, поглощал и вбирал в себя все звуки.

Я уже был готов отмахнуться и наброситься на свою добычу, как вдруг докторша придержала моё лицо, коснувшись ладонью щеки и – чёрт её возьми! – поцеловала. Однако это могло показаться поцелуем только со стороны – для собравшихся вокруг зрителей. На самом же деле, романтикой тут и не пахло.

Плотно прижавшись губами к моим, она протолкнула языком что-то мне в рот.

В носу защекотало от резкого едкого вкуса, и мой нюх хищника моментально выключился. Да что там нюх – у меня аж дыхание спёрло.

Чеснок! Раскушенная долька чеснока!

Постепенно мир снова обретал краски. Моё тело обмякло, ослабело. Челюсти разжались. Я стал различать звуки, а потом и слова.

– Я врач, позвольте мне осмотреть вашу рану... – услышал я спокойное.

Стелла уже присела рядом с парнишкой и теперь щедро поливала его колено перекисью водорода, невесть откуда оказавшейся в её дамской сумочке. Запах перекиси, смешиваясь с кровью, щекотал нос и бодрил не хуже нашатыря.

Окончательно вернувшись в тело, я катал во рту дольку чеснока и облизывал губы.

– Сейчас я наложу повязку, и можно будет встать. Но обязательно сходите в травмпункт, чтобы проверить коленную чашечку.

Так невинно, так любезно она с ним говорила. Как ни в чём не бывало. Как будто и правда помогала ему как врач. Как будто бы она и правда обычная женщина...

* * *

– Значит, ты тоже вампир, – скорее утвердительно, нежели вопросительно произнёс я, нарушая тишину.

Уже стемнело. Мы шли по пустынной аллее парка и долгое время оба молчали.

– Как видишь, – неохотно признала Стелла. – А ты, если я правильно понимаю, ещё не до конца инициирован?

Ну наконец-то она мне поверила!

– Двадцать один день ещё не прошёл, – ответил я, вспоминая письмо. – Может быть, ещё не поздно как-то повернуть этот процесс вспять?

– Поздно, – врач коротко мотнула головой.

Я пнул попавшуюся мне под ноги жестяную банку из-под газировки, и она с грохотом покатилась по асфальту.

– Что ж, значит, мне придётся смириться и учиться с этим жить. Сколько времени понадобилось тебе?

– Я такая с рождения, – на этой фразе её голос немного охрип, – меня всему научили родители. А вот тебе будет несладко.

– Дай мне пару советов? Мастер-класс для чайников, так сказать...

– Хм... – протянула Стелла и взяла паузу на минуту или две. Видимо задумалась, отшить ли меня в очередной раз или всё-таки выполнить мою просьбу, чтобы я наконец от неё отвалил. Когда я уже потерял надежду на ответ, она вдруг нарушила тишину пулемётной очередью из слов:

– Во-первых, нельзя допускать даже малейшего чувства жажды или голода. Ты всегда должен быть сыт. У сытого вампира инстинкт притупляется, так синдром хищника легче контролировать. Кроме того, чем сильнее ты голоден, тем сильнее будет твой жар вблизи людей. И, наоборот, тем холоднее им будет рядом с тобой. Их будет знобить, упадёт давление и температура, а особенно чувствительные могут даже шлёпнуться в обморок, так как из-за голода ты будешь жрать их энергетически. Что, если помнишь, и происходило в больнице... Во-вторых, перестань ходить по врачам и сдавать анализы, если не хочешь, чтобы тебя разобрали на опыты. Твой организм изменился. У тебя теперь нет пульса, потому что сердце вампира не бьётся в традиционном понимании, а работает скорее как газовый поршень. Кристалл нагревает кровь до высоких температур, но она не сворачивается, потому что в ней больше нет человеческого белка, а превра-

щается в газ. В газообразном состоянии она циркулирует по артериям и венам, а при порезе охлаждается от температуры окружающей среды и конденсируется, в результате чего можно наблюдать кровотечение, хотя и не такое обильное как у человека. Именно изменённым составом крови и её высокой температурой можно объяснить ускоренную регенерацию тканей у вампира. В-третьих... будь предельно осторожен после завершения инициации. Когда твой кристалл окончательно вживится в тело, начнёт происходить всякая чертовщина, которой ты сперва не сможешь управлять. Вампиры называют это сверхспособностями, – она хмыкнула и, подумав, добавила уже серьёзно. – Сверхспособностей много, но все они активируются одним из пяти каналов восприятия – визуальным, аудиальным, обонятельным, тактильным и ментальным. Чем раньше определишь, какой канал у тебя заработал, тем лучше.

– А как это можно определить?

– Сходить в гости к охотникам и попросить их тебя просканировать, – сострила доктор.

– Наверняка есть более щадящие методы, – мне шутка показалась не очень-то смешной, особенно если учитывать, что завтра мне взаправду придётся снова проходить через упомянутый сканер.

– Следи за собой. За своими глазами, ушами, нюхом, прикосновениями и мыслями. Что-то из этого вдруг выйдет из-под твоего контроля, вот так и определишь, к какой груп-

пе ты относишься. Заранее прими мои соболезнования, если ты ментал или тактильный.

Я снова скользнул взглядом по её перчаткам, но задавать личных вопросов, на всякий случай, не стал.

– Ну и, конечно, правило номер один, – Стелла вытащила из сумочки начатую головку чеснока и, отломив от неё половину, протянула мне, – не вздумай больше выходить на улицу без этой штуки.

– А не то что?

– А не то влипнешь в какую-нибудь неприятную историю, как сегодня, спалишься и попадёшься в лапы тем самым охотникам.

– Расскажи про охотников подробнее, – я крутил в руке дольки чеснока, счищая с них шелуху. – Насколько они опасны?

– Очень опасны. С ними лучше не иметь дела.

– Так я и думал. А есть ли какие-то способы защиты от этих товарищей?

– Гриша, пойми, вряд ли я чем-то ещё смогу тебе помочь, – она вдруг занервничала и стала теревить кольцо на безымянном пальце. – Я тебя выслушала. Сочувствую. Но на этом всё. Давай закончим.

– Тебя дома, наверное, ждёт муж, – ляпнул я, убирая чеснок в нагрудный карман пиджака. – Не подумал, прости.

– Да уж, – буркнула Вернер недовольно. – А я не думала, что вместо того, чтобы после работы идти домой, мне при-

дётся тут целоваться со всякими...

– Послушай, Стелла, – теперь уже я её перебил. – Ты реально вытащила меня из серьёзной передряги. Я тебе за это очень благодарен. Правда! Вряд ли мы с твоим супругом когда-то встретимся, но если вдруг встретимся... и если понадобится... я ему лично всё объясню. Прости меня, пожалуйста. Как некрасиво получилось...

Я ещё долго что-то говорил в этом духе, с жаром оправдывался и извинялся. Будто бы это я «поцеловал» её, а не наоборот. Стелла же оставалась безучастной и прохладно молчала. И я бы даже подумал, что она злится, если бы в какой-то момент она вдруг не коснулась рукой в перчатке своей левой щеки, будто что-то смахнув или вытерев.

Уже попросившись с ней и почти дойдя по аллее до нужного мне выхода из парка, я остановился и хлопнул себя по лбу. Совсем забыл!

Красная нить! Так растерялся, что даже не спросил, что это всё значит и что мне с ней делать.

Обернувшись, я выцепил взглядом угловатый, будто выточенный из камня, элегантный силуэт на другом конце парка. Удивительно, но в тот же самый момент Стелла тоже остановилась и обернулась. Несколько секунд мы смотрели друг другу в след. Точнее, растерянно пялились друг на друга, понимая, что с такого расстояния уже бесполезно пытаться кричать или жестиковать. Слишком далеко, слишком темно.

Да и вообще, какое ей дело до моих ночных кошмаров...

Глава 12. Жопа.doc

«Видела тебя вчера в парке. Ты целовался с какой-то девкой».

Такую весточку в мессенджер я получил утром по дороге на работу от Кати и прямо-таки прочувствовал всю степень её возмущения. А следом пришло ещё одно сообщение:

«Мог бы и посимпатичнее найти».

Не раздумывая, я щёлкнул по ссылке «заблокировать контакт». Ещё не хватало, чтобы она ревновала меня к Вернер. В этом абсурде я участвовать не намерен. Лучше немного вздремну в пути.

Всю ночь меня преследовал странный аромат, похожий на ладан. Запах чеснока от «поцелуя» выветрился, а вот едва уловимый, но от этого не менее навязчивый ладан – остался. Казалось, что Стелла где-то совсем близко – сидит у кровати и, склонившись, смотрит мне в лицо.

Кошмаров на этот раз не снилось, но сон был неглубоким. Я то и дело просыпался и включал ночник. В комнате, разумеется, никого не было, однако это меня не успокаивало. Стоило мне снова закрыть глаза и задремать, как я вновь чувствовал её дыхание на своей коже...

Я почти уже доехал до подпольного штаба СКОК, когда телефон опять завибрировал. На этот раз Катя, не достучав-

шись в мессенджер, не поленилась написать обычное СМС:
«Ладно, сорри. Погорячилась. На самом деле, я её толком не разглядела. Давай встретимся вечером?».

И ещё через пять минут:

«Я, в отличие от некоторых, не ревнивая. Только скажи сразу честно, у вас с ней всё серьёзно?»

«Серьёзнее некуда», – настрочил я в ответ подрагивающим пальцем.

Умеет же она испортить настроение перед трудовым днём. Вот как мне теперь прикажете работать?

С раздражением убрав телефон, я выпрыгнул из «бобика». Почему она не могла просто уйти? Зачем мучить меня и заставлять врать? Гораздо проще было бы перестать общаться раз и навсегда, чем по частям отлепляться друг от друга, корчась от боли...

Кристалл в груди подрагивал и мерцал, бросая блики во круг – будто пытался излечить меня от сердечных терзаний. Я даже задержался на несколько секунд у ступенек проходной, отстав от Михаила. Вдохнул свежий утренний воздух, наполнив грудь до отказа. Выдохнул. Как хорошо, что там, внизу, не будет мобильной связи.

На проходной я, как обычно, поставил рюкзак на стол охраны и выложил всё из карманов. Прошёл в кабинку и поднял руки, прислоняя ладони к кругам, начерченным белой краской. Обычно всё сканирование занимало две-три секунды, но на этот раз что-то пошло не так. Я услышал – нет,

скорее, почувствовал – под рёбрами какой-то странный звук, напоминающий звон стеклянного бокала. Над моей головой зажглась красная лампа и раздался протяжный вой сирены.

«Положительно, – процитировал один из охранников результат сканирования и добавил. – Тип не определён».

И тут же секьюрити, как по команде, сделали шаг назад и нацелили на меня дула своих АК-74. Откуда ни возьмись подтянулось подкрепление – ещё по два здоровых бугая окружили меня сзади и спереди. Все шестеро вооружены автоматами.

В этот момент я, наверное, впервые за жизнь, понял смысл выражения «класть кирпичи». В животе у меня что-то похолодело и сжалось. Я, как и был, с поднятыми руками, повернулся к Михаилу, стоящему за мной, и с облегчением заметил, что он один не поднял оружие. Кажется, он пребывал в таком же шоке, что и я, поэтому не сразу заговорил:

– Гриша, стойте на месте! – скомандовал он с задержкой. – Двигаться будете только по моей команде. Сейчас сделайте шаг вперёд. Ещё один. Стоп!

Я послушно вышел из сканера обратно в вестибюль. Стволы автоматов последовали за мной и снова замерли, нацеленные мне в голову.

– А теперь, не поворачиваясь, возвращайтесь в сканер. Левее. Руки на белые круги!.. Гриша, вы меня слышите?! – на последней фразе он повысил голос, так как я не спешил подчиняться.

Внутренняя чуйка подсказала мне, что нужно как-то заглушить кристалл, прежде, чем меня «просветят» ещё раз. Только вот как! Я и до этого не знал лекарства от душевной боли, а уж найти его за какие-то несчастные пару секунд...

– Руки на белые круги, сейчас же! – прогрохотал Михаил, выхватывая из кобуры пистолет.

Перед глазами внезапно всплыла Стелла. Её бледные бесцветные губы, обхватившие дольку чеснока. И потом этот гадкий запах у меня во рту, от которого сводит скулы... Я ощутил его так отчётливо, что у меня даже усилилось слюноотделение, как при мыслях о лимоне. А ещё я почувствовал руку Стеллы, пахнущую ладаном, на своей щеке. Точно, она ведь тогда дотронулась до моей щеки. Я словно нырнул в темноту, которую она распространяла вокруг себя, и мне вдруг сделалось спокойно и легко. Будто я уже умер, и больше нечего бояться. Что-то оборвалось у меня внутри, и кристалл потух. В голове и груди стало тихо, как на кладбище. Напряжённые плечи опустились. Всё правильно. У мёртвых ведь ничего не болит...

Михаил уже успел передёрнуть затвор, взводя курок, когда я, наконец, поднял руки. Вспотевшими ладонями коснулся кругов и замер в ожидании.

На этот раз никаких спецэффектов. Сканер зажёгся зелёным, дверцы бесшумно раскрылись, пропуская меня в холл.

– Стойте! – коротко скомандовал Рэмбо. – Давайте ещё раз!

Следующие минут десять – а то и все пятнадцать – они гоняли меня туда-обратно через этот чёртов сканер. Я даже сбился со счёту, сколько раз мне пришлось облучиться их «рентгеном». В конце концов Михаил жестом приказал охране опустить оружие.

Подойдя ко мне, он велел снова поднять руки вверх и принялся тщательно прощупывать меня через одежду с ног до головы.

– А это что ещё такое? – нахмурился он, хлопая по нагрудному карману пиджака. По тому самому, куда я вчера убрал полголовки чеснока, подаренные Стеллой. Но сегодня с утра мне каким-то образом удалось предусмотреть такое развитие событий. Я взглянул на Михаила с ангельской невинностью:

– Сухарики с чесноком, – моя рука вытащила на свет шелестящую упаковку. – Вот. Думал перекусить в обед.

– Что же тебе, наша столовая не понравилась? – пробасил тот и вдруг расхохотался, сбрасывая с себя напряжение. – Гриня, ну! Обижаешь!

– Да вовсе н-н-нет, – выдавил из себя я. – Столовая у вас отличная, просто... идти далеко и...

– Да не выдумывай! – не дослушав, он меня перебил. – Мы нашего дорогого гостя без полноценного обеда не оставим!

Но пакетик отбирать не стал, только хмыкнул и добавил многозначительно:

– А вообще, ты угадал. Мы тут тоже все любим чесночком

побаловаться... Ну, проходи-проходи, не стой в дверях!

После такого фееричного начала рабочего дня едва ли я смогу сосредоточиться на важных делах – подумал я. Так оно и вышло. Около часа промучив злосчастную базу данных, я сдался и решил лучше заняться Валеркиной «жопой». «Жопа.doc» по-прежнему висел в документах, его никто не заметил и не удалил. А может быть, просто не посчитал нужным?

Ко мне пришла идея прогнать зашифрованный файл по всем известным паролям из тех, которые стояли у нас в офисе. Конечно, задача значительно упростилась бы, если бы на компьютер, который предоставил мне СКОК, можно было бы скинуть программу по перебору паролей. Но, увы, придётся действовать вручную. Накануне я распечатал список рабочих паролей всех наших сотрудников и теперь методично вводил их один за другим, вычёркивая варианты, которые не подходили.

Сотрудников в нашей «очень крупной компании» было много, паролей тоже. Сначала я перебрал все универсальные пароли, потом пароли руководства, потом айти-отдела, в конце концов, отчаявшись, перешёл к бухгалтерии. Честно говоря, я был уверен, что одна из первых комбинаций сработает – если Валерка хотел бы оставить «весточку» одному из своих приближённых, то воспользовался бы известным для них паролем. Но, нет. Файл по-прежнему не поддавался.

За пять минут до обеда я всё же признал очередное фиаско и, ради прикола, вбил в окно свой личный пароль. Не

глядя на экран, нажал «enter», и вдруг – вуаля – документ, вместо того, чтобы снова ругнуться на меня, открылся.

Там оказалось совсем немного текста:

«Гриша, если всё вышло так, как было запланировано, то на этот проект назначили тебя. Впрочем, это не столь важно.

Кто бы ты ни был, если ты читаешь это – беги отсюда!

Они не оставят тебя в живых».

В общем, на обед я всё-таки не пошёл. Расхотелось.

* * *

«Мне исполнилось шестнадцать, а на следующий день началась война. Войне было всё равно, сколько мне лет. Война не жалеет никого: ни молодых, ни старых. Всем нашлось место в этом аду...

Уезжая на фронт, папа поцеловал нас и сказал, чтобы мы берегли себя. Мама, провожая его, расплакалась. А я нет. Я держалась. Неожиданно для самой себя за эту неделю я повзрослела на целую жизнь.

Мы ещё тогда не знали, что больше папу не увидим. В конце лета пришла похоронка – папа погиб под Смоленском. Вот такое странное, леденящее душу совпадение – под Смоленском он родился и там же, спустя всего каких-то сорок лет погиб...

Осенью учебный год в мединституте не начался. Станция, сквер у института и сами аудитории – всё опустело. Ни одного студента. Наткнувшись у входа в здание на директрису, я не узнала в ней той самой грозной Зинаиды Михайловны. На меня смотрела похудевшая, ссохшаяся женщина за пятьдесят с грустными глазами и растерянным лицом. Я, тем не менее, обратилась к ней по имени отчеству, спросив, что случилось. В ответ она махнула рукой:

– Лишнее это. Никакая я теперь не Зинаида Михайловна. Зови меня тётёй Зиной.

Она села прямо на ступени перед институтом и жестом пригласила меня сесть рядом. Чуть помолчав, поинтересовалась, как меня зовут и кого я ищу. Потом со вздохом объяснила, что всех студентов мобилизуют, учиться больше будет некому. Институт, скорее всего, закроют. Потом она расплакалась. От её слёз я будто оцепенела, просто сидела, затаив дыхание – такая же потерянная и встревоженная.

– Ты приходи, приходи сюда, как раньше, – сказала она мне на прощанье. – Жди его, где и прежде. Если любит, он придёт. Придёт с тобой попрощаться.

Так и случилось. Мы встретились с Антоном в нашем месте, на станции. Нещадно пекло солнце, на перроне было безлюдно, а от тех редких людей, что попадались мне, веяло каким-то холодным, оцепеняющим страхом.

Антон долгое время стоял в тишине, пряча глаза. Потом вдруг обнял меня и крепко-крепко прижал к себе. В следу-

ющий миг будто лопнула какая-то невидимая струна внутри него, и он взорвался словами:

– Света, прости меня. Прости, что не приезжал, что оставил тебя одну. Я ничего не понимал, словно новорожденный младенец, ничего не знал о жизни. Мне казалось, что впереди целая вечность. Я не ценил время. Дни, которые были даны мне. Казалось, что все эти чувства, вся эта любовь – ерунда. Успеется. Подождёт. Что есть нечто более важное – учёба, книги, отличные оценки. Теперь я понимаю, как всё это глупо. Там, куда я уезжаю, всё это не пригодится...

– Куда ты уезжаешь? – произнесла я одними губами.

– Сам не знаю. Знаю только, что всех парней забирают на фронт. Нет, не врачами. Простыми солдатами. Им там не хватает рук. Вот этих, моих рук, – он поднял подрагивающие ладони в воздух. – Только держать ими я буду не скальпель, а оружие... До сих пор не могу поверить, что я справлюсь. Как я буду справляться... Не знаю...

Я усадила его на скамейку и долго-долго гладила по спине, пытаюсь успокоить. А он всё говорил и говорил. Обо всём и одновременно ни о чём. Слова, насквозь пропитанные страхом, всё лились и лились на меня, а я ничего не могла сделать, чтобы ему помочь. Чтобы успокоить его. Наверное, если бы я могла, я бы забрала все его тревоги себе. А ещё я бы забрала всю злость, ярость, зависть, чтобы люди жили мирно никогда не воевали... Но разве маленькая девочка, насколько бы сильно она ни любила, может остановить госпожу Вой-

ну?.. Так только в сказках бывает, но не в жизни.

– Мне страшно, Света... – прошептал Антон. Его лицо было бледным как полотно. – Я хотел лечить людей, Света... Лечить, а не убивать.

Это было последним, что он сказал. И только садясь в поезд, он проговорил полностью обессилено и как-то потеряно:

– Я тебя люблю. Я запомню тебя.

– Я тоже, – сквозь слёзы пролепетала я. – Я тоже буду тебя помнить! Всю жизнь, пока не умру!

Наверное, я буду помнить его даже дольше – вечно. Сотни и тысячи лет после своей смерти. Как самый сладкий и, одновременно, самый страшный сон...

После этого прощания я и Нинка каждый день ходили к тёте Зине. Мы сидели в пустой аудитории – она за учительским столом, а мы с Нинкой перед ней, за первой партой – и говорили о жизни, о погоде, о наших увлечениях. Она, конечно, понимала, зачем мы к ней ходим, но каждый раз переводила наше внимание на отвлечённые темы. Мы с ними притворялись, будто бы смерти и войны не существует.

Но однажды наступил момент, когда притворяться больше стало невозможно. Встретив нас на пороге, она вручила нам с Нинкой по похоронке – одну мне, вторую – ей. И всё остальное враз стало неважным.

– Девочки, – сказала она, когда мы отревелись, – беда не просто однажды постучалась в дверь. Она идёт сейчас к Сталинграду и по пути стучится во все окна. Вы даже не пред-

ставляете, как много слёз проливают вместе с вами другие женщины. Мы больше не можем и не должны сидеть сложа руки, смотря как убивают наших мужчин. Так ведь?

Всхлипнув, мы кивнули, хотя и плохо на тот момент понимали, к чему она клонит.

– Ну и хорошо. Умнички.

Она провела нас в аудиторию и там выложила на стол две красных повязки с белым крестом:

– Будете у нас медсёстрами.

– Как медсёстрами? Где? На фронте?! – зачастила я. – Ладно Нинка, у неё хотя бы по биологии пятёрка, но я! Я же не умею ничего!

– Вот там и научишься, – строго ответила тётя Зина и добавила со вздохом. – Помню твоего Антона. Помню. Золотые руки были у парня. Таких хирургов в наше время ещё поискать...

Больше ей меня упрашивать не пришлось. Я молниеносно прижала красный лоскуток к предплечью и, закусив одну из лент зубами, завязала на два крепких узла.

– Так-то лучше, – с грустью в глазах улыбнулась мне Зинаида Михайловна. – Идите домой, девочки. Готовьтесь. Завтра с утра жду вас здесь.

Сейчас на часах половина третьего утра. Возможно, это последняя моя запись. Даже скорее всего так и есть. Спасибо тебе, мой молчаливый собеседник. Спасибо тебе, мой дневник.

16 июля 1942 г.
Сталинград».

Глава 13. Паук

Надо ли говорить, что последняя запись дневника заставила меня взволноваться вместе с героиней? Дочитав до конца, я вскочил со стула и принялся ходить по комнате кругами, сам не понимая, что или кого ищу.

Тревожное ожидание чего-то беспощадного и неминуемого передалось и мне через эти строки, и даже кристаллу не удалось меня успокоить. Жутко захотелось пить, я выпил сразу три кружки воды одну за другой, но, разумеется, ни на йоту не напился.

Кажется, снова поднималась температура – по телу волнами проходил жар. В квартире были настежь открыты все окна, а я всё равно мучился от духоты и голодной лихорадки. Выкрутив на кухне кран холодной воды до упора, я подставил лицо под плотную струю, но и это не помогло, даже наоборот. Ощущение было такое, словно я купался в обжигающей лаве.

Очередная весточка от моего таинственного наставника только подлила масла в огонь. Сначала я её не заметил, потому что на сей раз это была не открытка и даже не простой лист бумаги. Это оказался герметично запаянный чёрный пластиковый пакетик. Небольшой – может быть, пять на пять сантиметров или что-то около того. Он, по всей види-

мости, застрял в бордовом конверте и выпал только сейчас, когда я, от нечего делать, решил тот самый конверт потрясти.

Теперь я сгорал уже не от голода, а от любопытства. Я разрезал пакетик ножницами, и на стол с металлическим звонком приземлился серебристый кулон на цепочке. Да не просто кулон, а в точности такой же, какой продемонстрировала мне Ларочка прежде чем порезать вены! Скрещённые кинжал и осиновый кол – недвусмысленный то ли логотип, то ли герб охотников. На обороте было выгравировано: «СКОК», а ниже код А-01-00001, который мне ни о чём не говорил.

И больше ничего. Никаких объяснений. Хотя, постояйте-ка. На другой стороне пакетика была наклейка с QR-кодом. Недолго думая, я считал его камерой мобильного, прошёл по ссылке, и на мой телефон загрузился с обменника короткий файл с текстом:

«Да-да, это персональный жетон охотника на вампиров. Он же медальон-смертник. Чистое серебро, между прочим. Злейший враг для всей нечисти – а для тебя оно, по иронии судьбы, станет другом. Храни его как зеницу ока, но не вздумай носить на груди постоянно, иначе сдохнешь за пару дней.

Инструкция незатейлива: это твой пропуск для прохода через сканеры в СКОК. В рабочий день надевай жетон перед выходом из дома и убирай под одежду, так, чтобы он соприкасался с кожей. За пару часов, пока мои ребята везут тебя в штаб, он ослабит твой кристалл в достаточной степени, что-

бы тот стал «невидимым». Знаю, приятного мало. Что уж там таить, это будет бесчеловечная пытка, но ты ведь у нас теперь не человек – так что, потерпишь. После проходной незаметно сними его и спрячь куда подальше. Побочки отпустят через пару минут, ты оживёшь и даже сможешь работать.

Прошу отнестись к данному указанию со всей серьёзностью. Аура твоего кристалла постепенно расширяется и становится ярче. Человеческому глазу она по-прежнему не видна, но сканеры могут уловить её уже за несколько суток до завершения инициации, поэтому начинай носить жетон с завтрашнего дня, если не хочешь выдать себя и поучаствовать – от первого лица – в захватывающем «шоу».

Надеюсь, ты вовремя читаешь мои письма. Ты нужен мне живым».

* * *

Что ж, очередное послание прочитано. Значит ли это, что меня сегодня ждёт новый кошмарный сон?..

Признаться по правде, я побаивался следующей пытки красной нитью. Настолько, что даже решил попробовать в эту ночь вовсе не спать, а чтобы ненароком не уснуть, заварил себе крепкого-крепкого кофе и включил по телевизору какой-то шумный боевик.

Но ни кофе, ни телевизор, ни холодное умывание мне почему-то в этот вечер не помогли. Я, хоть и не чувствовал себя уставшим, в один прекрасный момент отрубился прямо сидя за кухонным столом, уронив голову на сложенные руки.

Уже погружаясь в вязкое болото очередного сна, я про себя отметил, что телевизор вдруг сам по себе выключился. Будто кто-то невидимый нажал на пульте кнопку «off». Точно так же выключился и я – в одночасье, словно по команде.

Утонув в зыбучих песках Морфея, я обнаружил себя в каком-то странном месте – то ли на вершине очень высокого холма, то ли на утёсе скалы. Пара пучков засохшей редкой травы, мох, серые камни, и, внезапно, одиноко стоящий старый дуб с широкой кроной. Как же он вырос здесь, без земли и воды?..

На самом краю обрыва в пол-оборота ко мне сидела, подтянув ноги к груди, девушка в военной форме. Её неровно отстриженное, взъерошенное русое каре трепал ветер, а правая щека была перепачкана чем-то вроде сажи.

Рваные бело-серые облака бежали по небу, то заслоняя собой тусклое лимонно-жёлтое солнце, то позволяя ему на секунды показаться – и тогда оно лениво кидало блики на плечи девушки, упакованные в китель защитного цвета.

– Привет, – бросила она мне, обернувшись. У неё по-прежнему не было лица, только ярко-алые губы снова искривились при виде меня.

Теперь я понял! Она, наверное, хочет меня убить за то,

что я читаю её личный дневник! Что ж, каюсь. Виноват. В этом случае гнев вполне оправдан.

– Ты не обычная девушка, – проговорил я осторожно, садясь на утёс рядом с ней. – Кто ты такая?

– Я ловец душ. Паук.

– Что значит паук? – переспросил я, взглянув вниз с обрыва. Довольно высоко. Значительно выше, чем мой многоэтажный дом. Интересно, если она меня сейчас скинет отсюда, то смогу ли я вновь собрать свои косточки, проснувшись...

– Я вплетаю твою красную нить в свою паутину и однажды, когда нить кончится, уже не отпущу. Тогда ты больше не проснёшься в человеческом мире.

– Не могла бы ты плести эту свою паутину побыстрее? – сказал я хмуро. – Похоже, что там, в человеческом мире, у меня назревают большие неприятности...

– Это всё ерунда по сравнению с тем, что ты можешь повстречать здесь, по ту сторону. Кое-что ты уже видел. Поверь, у меня ещё достаточно кошмаров для тебя...

– Зачем тебе это?

Девушка пожала плечами:

– Зачем паук плетёт паутину?.. Таким его создала природа. Такова моя суть. Как только я засыпаю, руки сами ткут полотно из нитей чьих-то душ. Сейчас это твоя нить. Она оказалась на удивление длинной. Честно говоря, я ожидала, что всё завершится в первую же ночь.

– А что будет, когда нить закончится? – полюбопытствовал я.

– Ты прилипнешь к моей паутине, словно муха.

– И потом ты меня съешь?! – я хмыкнул.

– Я могу. Но предпочитаю этого не делать. Я кормлю душами моего зверя, – она отвечала спокойно, не уловив в моём голосе иронии.

– Ну правильно, зачем съестному зря пропадать. А что за зверь?

– Астральный. Он очень милый. И очень голодный. Однажды я тебе его покажу...

– А почему не сейчас? – нетерпеливо уточнил я. – И вообще, разве сегодня ты не будешь меня пугать?

– Сейчас нет.

– Чего это?

– Сейчас я не сплю. Но и не бодрствую. Я между сном и явью – под гипнозом.

– Ты сама себя загипнотизировала? Или кто-то другой? И с какой целью?

Девушка приложила палец к губам:

– Не надо больше вопросов, я всё равно не смогу сейчас объяснить. Давай просто помолчим.

Некоторое время мы так и сидели – в тишине, потом я всё же решился:

– Что ж, раз я теперь всё... ну, или почти всё про тебя знаю, а вопросов больше задавать нельзя... тогда пришло

время и тебе узнать мою страшную тайну.

Лицо девушки повернулось ко мне, а губы слегка разомкнулись, и я посчитал это знаком заинтересованности. Коснувшись пальцами груди, я вытащил наружу свой кристалл:

– Я бессмертный вампир. У меня нет сердца и души... Вот так-то. Тебе меня не убить.

Для пущей убедительности я покрутил кристаллом в руке, пуская им солнечных зайчиков по камням.

С ярко-алых губ слетел вздох то ли удивления, то ли облегчения. Девушка подняла лицо к небу и воскликнула:

– Ну что, убедился?! – не знаю, к кому она обратилась, но явно не ко мне.

– Пожалуй, – вдруг ответила ей большая серая туча вкрадчивым мужским баритоном.

– Может, тогда хватит? Я замёрзла, меня трясёт...

Ответ неожиданно раздался уже совсем с другой стороны – прямо за нашими спинами:

– Да, – прошелестел старый дуб, и мы оба, вздрогнув, обернулись. – Сейчас я выведу тебя.

– Нам лучше увидеться лично, – взвыл поток ветра, толкая нас к обрыву.

– Приезжай! – стучали сорвавшиеся с утёса камни, катясь вниз и ударяясь о выступы скалы.

«Приезжай, приезжай, приезжай...» – подхватило эхо где-то внизу, в расщелине между скалами. Пространство вокруг затряслось, по нему пошли волны ряби, как по картинке

старого телевизора. От этих помех у меня защищало в глазах, а веки наполовину опустились и почему-то стали подрагивать.

Утёс потерял свои очертания, словно поплыл, а потом оказался спиралью, будто закрученный в барабане стиральной машины. Солнце раздулось как гигантский воздушный шар, запульсировало и лопнуло, ослепляя меня ультрафиолетовыми искрами конфетти.

Я зажмурился. Прижал ладонь к груди, возвращая кристалл на место, и в ту же секунду проснулся.

* * *

«Приезжай!..» – стучал утром в моих висках голос невидимого гипнотизёра, такой навязчивый, что я еле уговорил себя его послушаться и поехать на работу.

Перед выходом из дома я едва не забыл про серебряный медальон, но в последний момент всё же вспомнил о нём и вернулся. Надев кулон на шею, я спрятал его под рубашку и прислушался к ощущениям. Лёгкая дрожь холодком пробежала по моему телу, когда металл коснулся кожи. Я с трудом припоминал, когда в последний раз мне было хоть сколько-нибудь холодно – ведь в основном меня мучил навязчивый жар. Может, оно и к лучшему. Слегка охладиться не по-

мешает.

Однако уже через пару десятков минут я пожалел о своём опрометчивом желании. Мало того, что я промёрз до самых костей, будто сидел не в «бобике» жарким летним днём, а в холодильнике, стоящем не иначе как на северном полюсе. Меня колотило так, что зуб на зуб не попадал. По телу разливалась слабость, похожая на гипогликемическую трясучку, голова кружилась, конечности немели. Как назло, мы встали в пробку где-то на шоссе и ехали на полчаса дольше обычного. Эти полчаса показались мне адом. Меня, вдобавок, впервые в жизни укачало. К горлу подступала тошнота, воздуха не хватало. Я то и дело широко открывал рот, пытаюсь глубоко вдохнуть, но всё никак не мог надышаться.

Пока я ехал во мраке на заднем сиденье «уазика», мне и в голову не приходило, что, помимо всего прочего, у меня темнеет в глазах. Но стоило мне выйти на свет, как пришлось это признать. Ни яркое утреннее солнце, ни кристалл больше не освещали мне дорогу. Было темно, как в сумерках. Я едва различал, куда иду. Да и шёл тоже едва-едва – скорее из последних сил плёлся вслед за бодро шагающим впереди Михаилом.

Дурацкий кулон! За столь короткое время я уже успел всей душой возненавидеть серебро. Интересно, будет ли от него хотя бы какой-нибудь толк?..

Доставив меня до штаба, Лариса на этот раз не осталась, как обычно, в машине, а вышла вместе с нами. Пройдя пер-

вой через сканер, она встала так, чтобы видеть монитор. За её спиной, откуда ни возмись, вдруг нарисовался бесноватый Арсений Павлович. Главный научный сотрудник снова был облачён в чёрную монашескую рясу, а его образ теперь гармонично дополнял большой блестящий крест на толстой, массивной цепочке.

Чёрт возьми, похоже, крест тоже серебряный! Мне показалось, что я даже издалека почувствовал этот противный, кислый металлический запах, и меня чуть не вырвало.

Как и в первую нашу встречу, Арсений со мной не поздоровался, он будто бы вообще был где-то далеко отсюда, ни на кого не реагируя. Ушёл в себя – только губы быстро-быстро шевелились, когда он начитывал вполголоса какую-то странную молитву. Ни одного слова я разобрать не смог, то ли он молился не по-русски, а, например, на старославянском, то ли я на тот момент уже был не в состоянии воспринимать слова. В висках шумело, и звуки долетали до меня как будто откуда-то издалека.

Я снова перевёл взгляд на Ларису. Охотница, перекатывая во рту жвачку, выжидающе сверлила меня глазами. Её пальцы нетерпеливо крутили металлическое лезвие, слегка постукивая по его острой поверхности. В какой-то момент лезвие соскочило – словно ненароком – и порезало уголком подушечку большого пальца. Разумеется, до крови. На это и был расчёт.

По поверхности лезвия расплзлось алое пятно, но на

этот раз меня не проняло. Совсем. Мне было так хреново, что даже не пришлось лезть за чесноком. Вялый как овощ, я проплёлся в кабинку сканера и едва успел выставить руки перед собой, чтобы не упасть. Ладони коснулись белых кругов.

– Всё отлично, проходите, – голос Михаила булькал у меня в ушах, словно он говорил в стакан с водой.

Однако, в отличие от него, коллеги-фанатики на этом не успокоились. Арсений продолжал монотонным голосом бубнить молитвы, потряхивая козлиной бородой, а Ларочка, под его аккомпанемент, подошла ко мне вплотную и, выжав из пореза ещё несколько капель крови, подставила палец под самый мой нос.

Но и тогда инстинкт хищника не включился. Вместо того, чтобы наброситься на неё и порвать в клочья своими звериными клинками-клыками, я непроизвольно закатил глаза и, теряя сознание, стёк на пол.

– Да очистится мир от скверны! – ликуя, громко воскликнул мне вслед Арсений. – Сгинь, демон!

Мне захотелось в ответ очнуться и отчебучить что-нибудь поистине демоническое, но сейчас это было выше моих сил. Звуки сошли на нет, свет окончательно померк, и я отключился.

Пока я был в беспамятстве, мне почему-то мерещилась Катя, которая, брезгливо морща нос, отвешивала мне щедрые пощёчины. Видимо, всё ещё припоминает тот поцелуй

в парке – пронеслось у меня в голове. Остановить ревнивицу никак не получалось – руки вяло висели вдоль тела, как верёвочки, и пошевелить ими я не мог. Язык тоже меня не слушался, вместо слов мне удавалось выдавить из себя только тихий хрип.

– Х... Х... Х!.. Хватит! – выпалил я наконец, отмахиваясь от неё.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.